

ПОПАДАНКА

В ЧУЖУЮ ШИРИНКУ

ЭТО ОСКОРБЛЯЕТ
МОЁ ДРЕВНЕЕ
ДОСТОИНСТВО.

ТРИ РЖАВЫХ ПОДКОВЫ

ДМИТРИЙ
ВОЛКОНСКИЙ
МЛАДШОЙ СЫН
НЕУДАЧНИК
ПОПАДАНЕЦ

АВТОР
ТАША ФОКС

Таша Фокс

Попаданка в чужую ширинку

«Автор»

2026

Фокс Т.

Попаданка в чужую ширинку / Т. Фокс — «Автор», 2026

Как вы думаете, что будет, если айтишница-интроверт, уставшая от штампов боярь-аниме, загадает желание? Правильно: вселенная услышит, хмыкнет и зашвырнёт её в тело семнадцатилетнего княжича. Так Вика стала Дмитрием. И обнаружила, что управлять мужским телом — тот ещё челлендж (штаны задом наперёд — это только начало). Что родовой демон-фамильяр больше похож на обиженного кота. Что невеста, которую ей навязывают, на самом деле умеет метать ножи. И что магия в этом мире не просто существует — она опасна, нестабильна и уже привлекла внимание тех, кто предпочёл бы видеть Вику мёртвой. Теперь ей предстоит: не поджечь лошадь, научить демона пользоваться вилкой, разрушить пару-тройку стереотипов и добраться до столицы, не потеряв по дороге ни друзей, ни чувство юмора. «Хроники боярь-аниме» — это пародия, где пафосные герои получают щелбан, гарем идёт лесом, а демоны краснеют ушами. Смеяться можно и нужно.

© Фокс Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. Та самая ширинка	8
Глава 2. Завтрак, который я никогда не забуду (как ни старайся)	11
Глава 3. «Три ржавых подковы», или Краткий курс столового этикета для демонов	20
Глава 4. Мост через овраг, или Краткий курс боевой магии для начинающих (и их демонов)	26
Глава 5. Тени на дороге, или Урок второй: «Не буди лихо, пока оно тихо»	33
Глава 6. «Старая мельница», или Урок третий: «Никогда не спорь с девицей, у которой арбалет»	36
Глава 7. Холодный овраг, или Урок четвёртый: «Не кормите тварей с рук»	43
Глава 8. Башня Ветров, или Урок пятый: «Никогда не называй воздушника ветродуем»	50
Гл	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Попаданка в чужую ширинку

Глава

Название: Попаданка в чужую ширинку

Автор(-ы): Таша Фокс

ПРОЛОГ

Осторожно: в этой книге нет серьезных бояр, нет героических нагибаторов и нет девушек, которые ждут, когда их заметят. Есть попаданка, которая очень хотела просто почитать глупую боярку на ночь. Но судьба решила иначе.

**«Попаданка в чужую ширинку: хроники бояр-аниме.
Или как я нечаянно разрушила гарем, патриархат и самооценку одного барона».**

Эта книга — пародия на штампы жанра и не претендует на оскорбление конкретных авторов. Но если вы узнали себя в бароне с разрушенной самооценкой — возможно, это повод задуматься.

От автора:

Меня зовут Татьяна, мне тридцать пять, я не замужем. Живу одна, работаю, в свободное время читаю фэнтези и иногда пытаюсь писать сама.

Когда я натыкаюсь на очередную боярку с гаремом, у меня дёргается левый глаз. Но вместо того чтобы просто злиться в комментариях, я решила... написать такую же. Только наоборот. Пародию с девушкой в теле княжича. Потому что кто, как не женщина, знает, чего не хватает мужским героям? Души. Эмпатии. И нормального разговора с женщиной, где она не просто фон для очередной батальной сцены.

Мую героиню зовут Вика. Ей двадцать пять, она айтишница, интроверт и большая любительница боярок. Однажды она лягнула фразу «хоть бы раз попаданка в мужика попала» — и боги её услышали. Что из этого вышло — читайте ниже. Предупреждаю: будет смешно, местами абсурдно, и ни один барон не пострадал. Ладно, один всё же пострадал. Но он сам виноват.

ПРОЛОГ. Тот самый вечер, когда Вселенная решила: «А почему бы и нет?»

Знаете это чувство, когда ложишься спать, и в голове крутится только одно: «Главное — не попасть в книжку»? Вот у меня так и было. Честное слово. Я, Вика, двадцати пяти лет от роду, айтишница-интроверт, хозяйка рыжего наглеца Персика и большущая любительница дешёвых боярь-аниме-новелл, лежала в кровати и в двадцать третий раз давала себе зарок: «Всё, это последняя глава, и спать».

В телефоне светился синим экран. Очередной «Князь Тьмы: Начало». Очередной попаданец-спецназовец в теле хилого княжича. Он уже успел нагнуть трёх врагов, влюбить в себя пятерых девственниц (одна непременно с лиловой чёлкой и мечом наперевес) и построить банную империю в отдельно взятом княжестве. Диалоги были примерно уровня «Ты заплатишь за дерзость, шенок!» — «Нет, это ты заплатишь. Золотом. И кровью».

— Почему они все разговаривают, как будто им в детстве вместо азбуки выдали устав караульной службы? — пробормотала я в потолок. Потолок, кстати, был так себе. Натяжной, белый, с дурацким желтым пятном от прошлогодней протечки. — И зачем ему пять жён? Он хотя бы имена их помнит? Хоть одну по имени назвал за триста глав? Нет! «Женщина, подай вина». Женщина! У неё, может, диссертация по боевой магии, а ты её к кувшину приставил.

Персик, рыжий комок шерсти, занимавший три четверти подушки, даже ухом не повёл. Спал. Его вообще никогда не волновали мои душевные терзания. Ему было плевать, когда меня бросил гражданский муж. Ему было плевать, когда на работе сказали, что я «недостаточно проактивна». И сейчас, пока я тут, понимаете ли, переживаю за судьбы всех безымянных

гаремных девиц этого мира, Персик демонстративно перевернулся на спину, раскинув лапы, и захрапел с подвыванием.

— Вот скажи, Персик, — я ткнула пальцем в рыжий бок (кот приоткрыл один глаз, полный вселенского презрения), — ну почему автор не видит, что это смешно? Почему все героини, даже боевые магички, к середине книги рыдают в подол и ждут, когда князь их заметит? Почему нельзя сделать нормальную героиню? Или, — меня вдруг осенило, — почему нельзя закинуть героиню в тело мужика? А? Чтобы она на своей шкуре поняла, каково это — управлять гаремом. Посмотрела бы я, как она эти штаны задом наперёд натягивает.

Кот зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть. По комнате поплыл запах кошачьего корма. За окном мерно гудели провода. Романтика.

Я вздохнула, ткнула в экран, пролистывая бесконечное описание «стальных мышц» князя (серьёзно, автор, стальных? Из какого сплава? Нержавейка?), и пробормотала:

— Вот бы хоть раз попаданка в мужика попала. Хоть разочек. Чтоб не этот гарем, а чтобы она сама...

Телефон пиликнул. Тот самый мерзкий звук, с которым садится батарея. Экран погас. Комната утонула в темноте. И тишина вдруг стала такой густой, будто её можно было резать ножом. Даже Персик перестал храпеть.

Где-то на задворках сознания мне послышалось что-то вроде смешка. Такого, знаете, довольного, вселенского. Как будто кто-то наверху, заведующий галактическим театром абсурда, потёр ладошки и сказал: «Заявка принята. Оформляем. Подпись. Печать».

А потом стало очень темно.

ГЛАВА 1. Та самая ширинка

Проснулась я от того, что мне было жёстко. Не как «ой, спина затекла после сна на неудобной подушке» — а капитально жёстко. Будто меня уложили на деревянную доску, застеленную мешковиной, и забыли сверху положить нормальный матрас. В носу свербело от запаха воска и старого, пыльного дерева, словно я ночевала в бабушкином сундуке, который не открывали лет сто пятьдесят.

Я открыла глаза.

Потолок надо мной был... не мой. Слишком высокий, с лепниной и завитушками. По углам, тускло освещённые луной, пухлые гипсовые ангелочки смотрели на меня с таким выражением, будто знали какую-то гадость и еле сдерживали хихиканье. У меня дома потолок — ровная белая натяжка с предательским жёлтым пятном. И никаких ангелочков.

— Что за... — начала я и подавилась воздухом.

Из моего горла вырвался бас. Низкий, густой, с лёгкой хрипотцой. Не мой голос. Мой голос — обычный, женский, довольно писклявый, когда я волнуюсь. А этот... Этот голос звучал так, будто я всю жизнь курила папиросы и пела в хоре имени Пятницкого.

— Что за хрень? — прошептала я, и бас завибрировал где-то в грудной клетке, широкой и плоской.

Я села. Одеядо сползло, и в холодном лунном свете я увидела себя.

Грудь. Её не было. Вообще. На её месте красовалась абсолютно плоская мужская грудная клетка. И на этой грудной клетке росли волосы. Редкие, тёмные. У меня, Вики, не растут волосы на груди. Даже когда я забываю купить крем для депиляции. Это медицинский факт.

— Ма-а-а-мочка, — сказала я басом, не сводя глаз с этого безобразия.

Руки потянулись ниже, к животу, к бёдрам. И тут, прости господи, я заглянула под одеяло. То, что я там увидела, заставило меня зажать рот рукой — чужой, между прочим, рукой, с длинными пальцами и мозолями на подушечках — и издать звук, похожий на сдавленный хрип чайки.

Ширинка! У меня теперь была ширинка! И всё то хозяйство, которое к ней по определению прилагается. Конструкция, прямо скажем, незнакомая. Чужая. Инопланетная.

Крик я всё-таки сдержала. Но это был тот ещё подвиг.

— Так, спокойно, — зашептала я, раскачиваясь на этой дубовой кровати с балдахином. — Вика. То есть, Дима. То есть, как?.. Я — попаданка. В книжку. В ту самую. В «Князя Тьмы», что ли? Или в какую-то другую? Боже, я же даже не дочитала! Я не знаю финала!

В голове что-то щёлкнуло, будто переключился рубильник, и из каких-то тёмных закров чужой памяти хлынули картинки, имена, запахи. Княжич Дмитрий. Младший сын разорившегося рода Волконских. Семнадцать лет. Магии — кот наплакал. На турнир, который должен был состояться сегодня утром, он благополучно проспал. Друзей нет, врагов — хоть отбавляй, невесты от него разбегаются. В общем, классический представитель вымирающего вида «неудачник поневоле».

— Прекрасно, — выдохнула я, свешивая босые ноги с кровати. Ноги тоже были чужие. Слишком длинные, с выступающими щиколотками. — Из всех возможных вариантов... Из всех этих распрекрасных императоров, магистров и владык демонов... Я попала в тело того самого парня, которого даже слуги не боятся. Спасибо, Вселенная. Огромное спасибо. Ты очень смешная.

Я неуклюже сползла с кровати и запуталась в длинной ночной рубашке. Холодный пол обжёг ступни. Пошатываясь, я подошла к мутному зеркалу в тяжёлой деревянной раме.

Из зеркала на меня смотрел бледный, слегка помятый юноша с тёмными взлохмаченными волосами. Под глазами залегли тени — видимо, княжич тоже не особо высыпался. Скулы

острые, губы сжаты в тонкую линию. В глазах застыло выражение вселенской обречённости. Как у Персика, когда я ему в четвёртый раз за утро насыпаю корм, а он хотел другого.

— Ну, привет, Дима, — сказала я своему отражению. Отражение в ответ печально моргнуло. — Будем жить вместе.

За дверью послышались торопливые шаги. А потом тонкий, какой-то даже извиняющийся голос произнёс:

— Княжич! Княжич, вы проснулись? Батюшка велели вас будить. Там это... Сваты приехали. Третий раз за месяц! Грозилась, ежели вы опять смотреть невест не выйдете, обидятся и обявят кровную обиду.

Я тяжело вздохнула. Этот низкий, вибрирующий звук снова показался мне чужим и неправильным. Но выбирать не приходилось.

— Какие, к лешему, сваты?! У меня тут кризис идентичности, а вы со сватами!

Голос за дверью дрогнул.

— Обычные, ваша милость. Говорят, дочь боярина Кривоногова. Агафья. Терпеливая, говорят. Две первые-то жёны от вас сбежали, так эта вроде как... Согласная.

— Согласная она, — проворчала я, пытаюсь отыскать в груди тряпок на стуле хоть что-то похожее на штаны. — Ещё бы. Загнали девку в угол и радуются. Ладно! — крикнула я громче, снова чуть не сорвав горло на этом жутком басы. — Передай, что я сейчас выйду. Только штаны найду и попытаюсь не умереть от абсурда происходящего.

За дверью что-то хрюкнуло. То ли подавились смехом, то ли просто икнули.

Штаны нашлись. Но, как показала практика, надеть их, когда ты понятия не имеешь, как анатомически устроено твоё новое тело — тот ещё квест. Я трижды запнулась о собственные ноги, дважды приложила локтем о столбик балдахина и один раз чуть не выбила себе глаз, пытаясь застегнуть ремень, который, как выяснилось позже, был от другого костюма.

В зеркале отразился тощий, слегка взъерошенный парень в рубашке наизнанку и штанах, которые определённо сидели не так, как задумывал портной.

— Это новая мода, — сказала я отражению. — Мода будущего. Ты просто не в курсе, Дима.

Отражение снова моргнуло. Печально. Видимо, Дима был в курсе всего.

Наконец, кое-как пригладив волосы пятернёй и решив, что утренний макияж мне теперь не грозит (хоть одна хорошая новость!), я глубоко вздохнула, привыкая к ощущению того, как поднимается эта плоская, чужая грудь, и распахнула дверь в коридор.

В коридоре стоял давешний слуга — парнишка с лицом циника и бывалым взглядом человека, который подавал княжичу утку и видел, как тот роняет её на пол, на стол и себе на колени. Он окинул меня быстрым, профессиональным взглядом и доложил:

— Рубашка наизнанку, ваша милость.

— Знаю, — отрезала я басом. — Это отвлекающий маневр. Чтобы враг запутался. Как тебя, кстати?

Парень удивлённо приподнял бровь, но быстро взял себя в руки.

— Федька. Вы же сами меня вчера по голове треснули за то, что я вам горячий сбитень принёс, а не холодный квас.

В голове что-то щёлкнуло — и воспоминание послушно всплыло. Княжич кидается кружкой в Федьку. Содержимое летит во все стороны. Кружка разбивается. Княжич плачет. Полчаса. В семнадцать лет.

— О господи, — пробормотала я и посмотрела на Федьку почти с нежностью. — Прости, Федька. Я вчера был... Не в себе.

— Да вы и сегодня не особо-то и в себе, — философски заметил тот, но тут же осёкся. — То есть, вы в себе, но... Странный. Как обычно, в общем.

— Вот и славно. Тогда план такой. Ты ведёшь меня на этот чёртов завтрак. По пути рассказываешь, кто там будет, как кого зовут и сколько у меня этих... невест в анамнезе. И стараешься не удивляться. Спойлер: я буду страннее, чем обычно. Сильно страннее.

Федька обречённо кивнул и двинулся вперёд по тёмному коридору, увешанному гобеленами с сомнительными сценами охоты. Я шагнула за ним и тут же споткнулась о край ковра. Длинные ноги слушались плохо, а центр тяжести, видимо, сместился куда-то в район солнечного сплетения. Я взмахнула руками, попыталась ухватиться за гобелен, на котором олень навеки застыл в прыжке, но промахнулась, сшибла с подставки какой-то прадедовский шлем (тот с гулким грохотом покатился в темноту), и если бы не железная хватка Федьки, который поймал меня за локоть, въехала бы носом прямо в стену.

— Ваша милость... — начал он осторожно.

— Я знаю, — выдохнула я, пытаюсь восстановить дыхание. — Ты сейчас скажешь «грациозны как лось», но, пожалуйста, молчи. Просто веди меня к столу. Там разберёмся. Там... эти. Сваты. И невеста. И батюшка.

И, кажется, тот самый патриархат, который я так мечтала развалить, мысленно хихикаю про себя. Только сейчас он вдруг показался мне не смешным мемом, а вполне реальным мужиком с бакенбардами, который сидит внизу и ждёт, когда сын женится в третий раз.

Федька бросил на меня короткий сочувствующий взгляд, в котором читалось: «Да уж, денёк будет тот ещё».

— Идёмте, княжич. Только вы это... Штаны бы переодеть. Они у вас задом наперёд.

Я опустила взгляд. М-да. Действительно.

— Отвлекающий маневр номер два, — буркнула я, но поправлять ничего не стала. Слишком много чести. — Пошли.

И я, всё ещё нетвёрдой походкой, но с гордо поднятой головой, двинулась в сторону лестницы. В конце концов, подумала я, кто из великих реформаторов не попадал впросак в первые же минуты? Главное — сохранять лицо. Ну, или хотя бы делать вид, что так и было задумано.

А про себя я уже прикидывала, с чего начать разговор с этой беднягой Агафьей. Кажется, у нас, двух девиц в боярском тылу, намечается много общих тем для разговора. И если уж судьба закинула меня в это тело, в этот дом и в эти нелепые штаны, то гаремом здесь будет даже не пахнуть. Разве что словом, которое я буду повторять с исключительно ироничной интонацией, пока до всех них не дойдёт.

Глава 2. Завтрак, который я никогда не забуду (как ни старайся)

Коридоры родового поместья Волконских оказались тем ещё лабиринтом. Пока мы шли, Федька успел ввести меня в курс дела тоном заправского гида-экскурсовода, у которого самая убогая группа за сезон.

— Значить так, ваша милость, — бубнил он, пока мы петляли мимо пыльных доспехов и портретов суровых предков, — за столом будут: их сиятельство батюшка ваш, князь Всеволод Олегович, в настроении среднем. Вчерась ему сказали, что налоги опять подняли, так что он зол, как вепрь. Рядом с ним — барон Толстосуб. Он наш сосед и по совместительству кредитор. С ним лучше не спорить: у него одышка и золота больше, чем у нас тараканов. И будет ещё та самая невеста.

— Агафья? — уточнила я, всё ещё пытаюсь не запнуться о собственную ногу.

— Она. — Федька как-то странно хмыкнул. — Дочь боярина Кривоногова. Две первые ваши жёны, ну, вы сами помните: одна сбежала с конюхом через неделю после венчания, вторую вы сами сплывили монастырю. А эта, — он понизил голос, — терпеливая. Ей, говорят, всё равно за кого, лишь бы из дому уйти. Тик у неё лицевой и характера кроткого. Мышей, говорят, ловит, если попросить.

— Она что, кошка?! — возмутилась я шёпотом. — Какие мыши? Ты можешь нормально о девушке говорить?

— Так я ж и говорю нормально... — обиделся Федька. — Вы сами просили.

Я вздохнула так глубоко, что чужая грудная клетка заскрипела. Ладно, этому миру ещё только предстоит узнать, что такое феминистская повестка.

Мы наконец добрались до дверей в столовую. Высокие, дубовые, с резными виноградными гроздьями, они выглядели как врата в ад. Внутри уже слышался гул голосов.

— Ну, с Богом? — спросил Федька, косясь на меня.

— С Персиком, — поправила я. — То есть, с чёртом. Давай.

И мы вошли.

В нос ударил запах жареного сала, кваса и чего-то сладковатого, напоминающего печёные яблоки. За длинным столом, уставленным блюдами с пирогами, заливным и холодцом, восседали двое мужчин и одна девушка.

Батюшка, князь Всеволод Олегович, выглядел ровно так, как я себе и представляла: медвежья стать, бакенбарды а-ля Лев Толстой в период загула, красное лицо и взгляд, которым обычно сверлят дыры в бюджете. Он даже не обернулся, когда я вошла, только махнул рукой с зажатой в ней кружкой.

— Опоздал! — рявкнул он, не оборачиваясь. — Жри давай. И скажи вот барону, что род наш не настолько нищ, чтобы переписывать на него восточные угодья.

Барон Толстосуб, который сидел справа, представлял собой идеальный образец местной аристократии: мужик в золотом камзоле, который трещал по швам на животе, с перстнями на пухлых пальцах. Он уплетал пирожок с такой скоростью, будто за ним гнались. На меня глянул мельком и тут же вернулся к еде.

И, наконец, она. Агафья.

Девушка сидела с самого краю, сжавшись в комочек. Тошная, бледная, с огромными печальными глазами, она бессмысленно ковыряла ложкой в тарелке с кашей. Каша, похоже, остыла ещё до того, как её подали. Светлые волосы убраны под простой платок, платье тёмное, закрытое. И правда, бедняжка: всё в её виде кричало «заберите меня отсюда».

Я шагнула вперёд, намереваясь поздороваться максимально нейтрально, но, как обычно, споткнулась о край ковра и с грохотом впечаталась бедром в угол стола. Кубки зазвенели, барон подавился, а батюшка наконец обернулся.

— Ты ещё и пьян с утра?! — взревел он.

— Нет! — гаркнула я басом, отчего сама чуть не оглохла. — Я трезв... трезва... Трезвый я. Просто... — я лихорадочно искала оправдание и наконец выпалила первое, что пришло в голову, — медитировал. Перед едой. Полезно для мануальных чакр.

Повисла тишина. Даже муха, которая до этого билась в окно, кажется, подвисла в воздухе, чтобы послушать продолжение бреда.

— Для чего? — батюшка наморщил лоб. — Это что ещё за ересь?

— Из столицы привезли, — быстро нашлась я. — Новое веяние. Магическое. Помогает лучше управлять... ну... телом. В общем, я сел. На стул. И буду завтракать.

Я плюхнулась на предложенное место рядом с бароном. Штаны, надетые задом наперёд, предательски врезались в стратегически важное место, но я героически промолчала. Только чуть подвинулась, пытаясь найти менее травматичную позу.

Агафья бросила на меня короткий взгляд из-под ресниц и тут же уткнулась в тарелку. Но я успела заметить: взгляд был не испуганный. Скорее, любопытный. И ещё — у неё действительно слегка подёргивался левый уголок глаза. Бедный, замученный ребёнок.

— Кхм, — прокашлялся барон, откладывая надкушенный пирожок. — Дмитрий, Всеволод Олегович, давайте ближе к делу. Сваты ждут. Я, как представитель заинтересованной стороны, должен напомнить, что Кривоноговы — род хоть и не богатый, но с историей. А у Агафьи приданое есть. И немалое.

— И что? — я взяла с тарелки яблоко и картинно надкусила. Получилось громко и хрустко. — Я не женюсь.

Барон снова поперхнулся, на этот раз воздухом.

— Но как же?.. Третья попытка! Дмитрий, одумайтесь! Роду нужны наследники, а вам — жена! Вы посмотрите на неё: тихая, кроткая, всё понимает. Даже мышей ловит!

— Почему все постоянно заводят про этих мышей?! — не выдержала я и с грохотом опустила кулак на стол. Кружки зазвенели, с заливного сползла веточка укропа. — Агафья — девушка, а не кошка! Хватит уже! Может, она вообще стихи пишет или вышивает смерть-крестиком, а вы с мышами!

Агафья подняла голову. В её глазах мелькнуло что-то, что я сперва приняла за испуг, но нет. Это было удивление. Попролам с робкой надеждой.

— Ты это... Димка... — батюшка отставил кружку и посмотрел на меня в упор. Тяжёлый взгляд. Изучающий. — Ты случаем не хвораешь? Чего это ты девиц защищаешь? Обычно ты от них бегаешь, как от чумы.

— Я не бегаю, я... — я замялась. — Я пересмотрел свои взгляды. На жизнь. И на брак. И на гарем в целом. Это устаревшая модель социальных отношений, основанная на патриархальной эксплуатации женского ресурса.

В комнате повисла абсолютная тишина. Батюшка моргал, явно переваривая слова «ресурс» и «эксплуатация». Барон открыл рот и забыл закрыть. А Агафья... Агафья вдруг тихонько хихикнула и тут же зажала рот рукой, будто сама испугалась своей смелости.

— Дмитрий... — начал батюшка, собираясь с мыслями. — Ты говоришь, как баба какая-то. Или как книжник. А книжников у нас не любят. Ты, часом, вчера не приложился головой о перила? Федька сказывал, ты упал, когда этого своего кошака перешагивал.

— Упал, — честно призналась я. — Но приложилась... приложился я удачно. Как раз то место, что отвечает за критическое мышление, активировалось.

Батюшка хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнула посуда.

— Хватит молоть чушь! Сваты ждут ответа! Ты женишься на Агафье, и точка! Или я лишу тебя наследства, выделю долю, и можешь катиться на все четыре стороны со своим котом и дурацкими словечками. Ты мужик, твоё дело — продолжать род и не позорить фамилию.

И тут я совершила то, о чём, наверное, буду жалеть. Но вспомнила, как сама в двадцать лет уходила от навязанных родителями женихов, как рыдала в подушку от бессилия и как поклялась, что больше ни одна живая душа не будет решать, за кого ей выходить.

Я встала, поправила дурацкую рубашку (наизнанку, чтоб её) и посмотрела прямо в красное лицо батюшки.

— А вот и не женитесь, — сказала я твёрдо, стараясь, чтобы бас не дрожал. — То есть, я не женюсь. Ни на Агафье, ни на какой другой невесте. А если вы хотите продолжения рода — сами и женитесь. Или барон, вон, свободный мужчина. А я... — я выдохнула. — Я лучше чаю выпью.

И, не давая никому опомниться, схватила с графина какую-то тёмную жидкость, налила себе в кружку и залпом осушила.

Это был не чай. Это был тот самый сбитень. С перцем, хреном и, кажется, чистейшим адским пламенем вулканического происхождения. Горло тут же обожгло так, будто я решила проглотить раскалённую кочергу. Глаза заслезились, из ушей, кажется, пошёл пар. Я закашлялась, замахала руками, сшибая со стола чью-то ложку, и если бы не Федька, который каким-то чудом метнулся и подал мне кружку с водой, я бы, наверное, испепелилась там же, на стуле.

— Гха-а-а! — прохрипела я, хватая ртом воздух. — Что это за отрава?!

— Наш фамильный сбитень, — невозмутимо сообщил батюшка, который с интересом наблюдал за моими мучениями. — Его ещё мой дед гнал. Кого хочешь на ноги поставит. Даже покойника, говорят, поднимал.

— Приводите... покойника... — простионала я, утирая слёзы. — Пусть женится... Я не могу...

Агафья вдруг тихо прыснула, прикрываясь салфеткой. Её плечи затряслись от беззвучного смеха. Батюшка повернулся к ней, потом ко мне, потом обратно. Видимо, такого бедлама эти стены не видели с момента последней попойки деда.

— Ладно, — вдруг сказал он, шумно выдыхая. — Чёрт с тобой. С Агафьей погодим. Но ты, — он ткнул в меня пальцем, — ты мне объяснишь, что с тобой стряслось. И куда девался мой прежний оболтус-сын, который боялся слово поперёк сказать.

— Обязательно объясню, — пообещала я, всё ещё хрипя и вытирая катящиеся градом слёзы. — Но позже. Сейчас мне надо... проветриться. И, кажется, заново научиться дышать.

Я встала, собираясь с достоинством выйти из-за стола (достоинство по дороге потерялось где-то под ножкой стула), и тут Федька, который всё это время стоял у дверей с лицом человека, присутствующего при крушении империи, вдруг откашлялся и произнёс:

— Ваша милость, там... э-э... во дворе. Вы только не волнуйтесь...

— Что там ещё? — устало спросила я. — Император приехал? Или кредиторы?

— Хуже, — прошептал Федька. — Там демон.

Я замерла. Барон Толстосуб, который как раз решил добить пирожок, подавился в четвёртый раз и начал мелко икать. Батюшка схватился за сердце.

— Какой... какой ещё демон?! — просипел он.

— Огромный, чёрный, — доложил Федька, не сводя с меня расширенных глаз. — Похож на вашего кота Барсика. Только... размером с телёнка. И с крыльями. Сидит прямо на колодце и, кажется, умывается.

Я опустила взгляд под стол, куда по привычке закинула бы Персика, если бы это был мой мир. Пусто. Чёрного кота там не было.

— Та-а-ак, — протянула я, и мой новый, всё ещё чужой бас прозвучал обречённо. — Похоже, я не просто попала в книжку. Я попала в книжку, где мой кот — демон. Блеск. Просто блеск. Мама, роди меня обратно.

Батюшка крикнул, барон перекрестился, Агафья прижала руки ко рту, а я, преодолевая жжение в горле, направилась к выходу. Смотреть, что там за демон. Потому что, знаете, когда ты уже один раз за утро обнаружила в своих штанах нечто, чего там быть не должно, каким-то демоном тебя не запугать. По крайней мере, пока.

Во дворе и правда сидел демон. Чёрный, лоснящийся, с огромными перепончатыми крыльями, которые он сейчас небрежно складывал за спиной, будто зонтик после дождя. Размёрами он был с доброго пони, и от него ощутимо тянуло жаром и серой. Но самым жутким было не это. Самым жутким было то, что он сидел на срубе колодца и старательно вылизывал лапу. А потом провёл этой лапой за ухом. Точь-в-точь как Персик, когда думает, что никто не видит.

— Барсик? — ляпнула я.

Демон замер на полудвижении. Зелёные глаза полыхнули так, что воздух вокруг едва не заискрился.

— Ещё раз, — раздался у меня в голове низкий, рокошующий голос, полный ледяного презрения, — и я за себя не ручаюсь.

— Понял. Не Барсик, — я выставила руки вперёд, показывая мирные намерения. — А как мне к тебе обращаться, о... э-э... Великий?

Демон спрыгнул с колодца, в два текучих шага оказался рядом (Федька сзади что-то пискнул и, кажется, спрятался за дверной косяк) и втянул носом воздух. Меня обдало жаром, как от открытой духовки. Вблизи стало видно, что шерсть у него не просто чёрная, а с тёмно-фиолетовым отливом, и на кончике хвоста дрожит синий огонёк.

— Шуша, — произнёс он наконец, и в голосе прорезалась нотка почти человеческой усталости. — Только, умоляю, не комментируй. Имя давал предыдущий хозяин. У него было своеобразное чувство юмора.

— Шуша, — повторила я, пробуя на вкус. — Лады. Шуша так Шуша. А отчества у демонов, прости, не бывает?

Демон издал звук, подозрительно похожий на вздох.

— Ты невыносим. Совсем как твой прадед.

— Мой — кто? — не поняла я, но тут из дома с рёвом вылетел батюшка, держа наперевес фамильный меч (тот самый, который княжич вчера ронял на палец).

— Изыди, исчадьё! — заорал князь Всеволод. — Это наш дом! Не дам погубить наследника!

— Папа, стой! — я метнулась наперерез, но Шуша уже лениво поднял лапу, и меч в руках батюшки начал стремительно покрываться коркой льда. Князь ойкнул и выронил его, звонко брякнувший о булыжники.

— Я — фамильяр рода Волконских, — громко, чтобы слышали все, включая высунувшихся из окон слуг, произнёс Шуша. — Хранитель и хранитель. Демон седьмого круга, хаотический нейтрал. И, если вы сейчас не прекратите размахивать железками, я превращу этот меч в цветочек. В незабудку, кажется, у неё милый синий оттенок.

Батюшка открыл рот, закрыл и машинально перекрестился.

— Так ты... наш? — промямлил барон, который как раз выглянул из-за спины батюшки, прижимая к груди надкушенный пирожок как талисман.

— Я — ничей, — отрезал Шуша. — Но по условиям контракта с прапрадедом этого вот, — он кивнул на меня, — недоразумения, я обязан оберегать последнего мага в роду.

Пауза. Я переварила услышанное.

— Секунду. Мага? Какого мага? Магии же ноль. Мне вчера про это все уши прожужжали.

Шуша смерил меня долгим взглядом зелёных глаз. Таким, знаете, взглядом психиатра, который видит результаты МРТ и не знает, с чего начать объяснение.

— Вчера, — сказал он отдельно, — в этом теле магии не было. А сегодня утром проснулась ты. И вместе с тобой проснулась сила. Спит она, понимаешь ли, очень чутко, когда в носитель вселяется душа из другого мира. Это тебе не гаремом управлять.

Батюшка побагровел, набирая в грудь воздуха. Я поняла: сейчас начнётся крик «Что значит из другого мира?!», «Ты кто вообще такая?!» и прочие радости разоблачения. Надо было срочно брать ситуацию в свои руки.

— Тихо! — гаркнула я басом, и, о чудо, все замолчали. Даже Шуша ухом повёл удивлённо. — Папа, я всё объясню. Позже. А пока — да, я маг. И да, у нас теперь живёт демон. Но, с другой стороны, у барона Толстосуба, говорят, живёт ручная белка, которая гадит в гостях, и ничего, все терпят.

— Она не гадит! — возмущённо пискнул барон из укрытия.

— Вот и Шуша не будет, — подытожила я. — Да, Шуша?

Демон помолчал. Потом нехотя кивнул:

— Если меня будут кормить и не называть Барсиком.

— По рукам. — Я повернулась к Федьке, который уже выбрался из-за двери и смотрел на демона с бледным, но отчаянно-любопытным лицом. — Федька, распорядись насчёт обеда. Для Шуши — мяса, много. И, пожалуйста, накройте в столовой. Мы сейчас закончим с Агафьей, и я всем всё расскажу. Ну, или попытаюсь.

Агафья, которая всё это время стояла на крыльце, прижимая к груди край тёмного платка, вдруг тихо спросила:

— А что — «с Агафьей»? Вы про замужество?

Я подошла к ней, стараясь больше не спотыкаться (получилось почти), и, глядя ей в глаза, сказала:

— Агафья, ты не пойдёшь замуж за этого. То есть за меня. То есть... тьфу! Короче, никакого насильственного брака. Хочешь — оставайся здесь, пока в столицу не съездим и не разберёмся, что с этим миром не так. Хочешь — возвращайся к отцу.

Она выдержала мой взгляд. В её глазах, всё ещё печальных, мелькнула вдруг решимость.

— Я... я бы поехала в столицу. Если можно. Мне отец всё равно не обрадуется. А здесь... — она кинула быстрый взгляд на крыльцо, где стоял батюшка, — здесь тоже не особо ждут. А вы странный, но не злой.

— Сочту за комплимент, — я не удержалась и улыбнулась. Уголок губ Агафьи дрогнул в ответной улыбке.

— Ну, значит, решено! — громко объявила я, чтобы всем было слышно. — Едем в столицу. Я, Агафья, Федька и Шуша. Будем учиться магии, смотреть, что там с этим патриархатом можно сделать, и заодно узнаем, какого цвета мантия у тамошнего императора. А вы, батюшка, пока тут без меня гаремов не стройте и кровных обид не объявляйте. Договорились?

Батюшка, всё ещё бледный после истории с ледяным мечом, махнул рукой. То ли благословил, то ли хотел отмахнуться, как от мухи.

— Делайте что хотите, — пробурчал он. — Только вернись живым. И... этим. Магом. С деньгами. Род-то поднимать надо.

— Вот за этим и едем, — пообещала я, чувствуя, как Шуша, снова уменьшившийся до размера крупного кота, трётся об мои ноги. Урчание демона звучало как миниатюрный камнепад. И мне вдруг стало легко. Ну, или почти легко.

— Кстати, — пробормотал Шуша, запрыгивая мне на плечо, — в пути рекомендую купить тебе нормальный костюм. И штаны. И зеркало. Чтобы ты видел, какой абсурд творится с твоей мимикой, когда ты пытаешься косить под боярина.

— Заткнись, — буркнула я, поправляя съезжающего демона. — Тоже мне, модный критик нашёлся.

Сзади прыснула Агафья. Федька крикнул. И даже батюшка, кажется, сдавленно хмыкнул.

Так мы и стояли посреди двора: попаданка в чужой ширинке, печальная аристократка, циничный слуга и чёрный саркастичный демон, который требовал уважения.

Вот теперь, подумала я, это действительно начинает походить на начало приключения. Искренне твоего, во всех смыслах.

Пауза затянулась. Нарушил её, как ни странно, барон Толстосуб.

Он осторожно, бочком, выбрался из-за спины батюшки, всё ещё прижимая к груди надкушенный пирожок как оберег, и просипел:

— Дмитрий... то есть, ваша милость... это что же, этот... — он опасливо ткнул пальцем в сторону Шуши, — этот... он теперь всегда с нами будет?!

— Ну, — я покосилась на демона, который уже снова принял облик огромного чёрного кота и теперь с деланным равнодушием вылизывал лапу, — судя по тому, что он говорит про контракт с моим прапрадедом... Да, барон. Видимо, да.

— Господи помилуй, — барон перекрестился и зачем-то перекрестил ещё и пирожок.

Батюшка, который всё это время молча переваривал происходящее, наконец подал голос. Голос был глухой, с хрипотцой, какой бывает у человека, который только что узнал, что его сын — маг, а домашний кот — демон. И ни к одному из этих известий он не был готов.

— Димка, — сказал он, и я вздрогнула: впервые за всё утро он назвал княжича не «ты, оболтус», а по имени. Почти по-человечески. — Объясни мне, старому дураку. Ты — маг?

Я бросила быстрый взгляд на Шушу. Тот, не переставая вылизываться, едва заметно кивнул: дескать, не отвертисься.

— Похоже на то, — призналась я, стараясь, чтобы бас звучал увереннее. — Шуша говорит, что магия проснулась сегодня утром. Вместе со мной. То есть... вместе с новым мной.

Батюшка нахмурился. Его кустистые брови сошлись на переносице, и он стал похож на старого филина, которому сообщили, что мыши теперь летают.

— Что значит — «с новым тобой»? — медленно переспросил он.

Вот тут-то и настал момент истины. Я глубоко вздохнула, привыкая к ощущению того, как поднимается эта чужая, плоская грудь, и рубанула:

— Папа, я не Дмитрий. То есть, тело — его. А душа... душа моя. Меня Викой зовут. Я из другого мира попала. Случайно. Ляпнула кое-что перед сном, а боги, видимо, услышали и решили пошутить.

Тишина. Такая, что слышно было, как где-то на заднем дворе курица снеслась и, кажется, сама удивилась результату.

Батюшка открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— То есть, — произнёс он странно спокойным голосом, — мой сын теперь — баба?

— Женщина, — деликатно поправила я.

— Внутри, — уточнил батюшка.

— Внутри — женщина. Снаружи — ваш сын. Комплектация, так сказать, смешанная.

Батюшка перевёл взгляд на Агафью, будто ища у неё поддержки. Агафья смотрела на меня круглыми от изумления глазами, в которых, впрочем, страха не было. Скорее, жгучее любопытство пополам с надеждой.

— Так вот почему вы... вы сказали, что не женитесь на мне! — вдруг вырвалось у неё. — И про гарем... и про «девушка, а не кошка»... Это не княжич говорил! Это вы, да?

— Я, — созналась я и чуть поклонилась. — Вика. Будем знакомы официально. Простите, что так вышло. Я вообще-то собиралась просто книжку почитать и лечь спать, а оно вон как повернулось.

Агафья вдруг прыснула. Закрыла лицо руками, но плечи её затряслись — и на этот раз это был не плач, а самый настоящий смех. Тоненький, немного нервный, но искренний.

— Ой, — проговорила она сквозь смех, — ой, не могу... То есть, вы — барышня, а вас заставляют на мне жениться... А вам и самой-то, наверное, замуж нестерпёж...

— Вообще нестерпёж, — подтвердила я с облегчением. — Я вообще-то в своём мире кота завела и успокоилась.

— Кота! — Агафья снова зашлась смехом, и на этот раз к ней неожиданно присоединился Федька — тот самый циничный слуга, который до этого смотрел на всё с видом бывалого скептика. Теперь он откровенно ржал, утирая выступившие слёзы.

— Ох, ваша милость, — выдал он, — это ж как представлю: барышня, в мужском теле, а ей говорят — «женись»...

Батюшка хлопнул ладонью по столбу крыльца. Все подпрыгнули.

— Хватит ржать! — рявкнул он. — Тут, понимаешь, семейная драма, а вы... — он перевёл дух и вдруг неожиданно закончил: — А вы гогочете. Хотя, положи руку на сердце... — он вдруг усмехнулся в усы, — ситуация и правда дурацкая.

И вот тут-то Шуша, который всё это время демонстративно игнорировал человеческую суету, соизволил подать голос.

— Если вы закончили с истериками, — произнёс он всё тем же низким, рокочущим голосом у меня в голове, — предлагаю перейти к делу. Ваш... сын, или кто он теперь, — маг. Магия нестабильна, носитель не обучен. Если мы не начнём тренировки в ближайшее время, он может случайно превратить родовое поместье в тыкву. Я, как фамилляр, этого допустить не могу.

— В тыкву? — переспросил батюшка, и в его голосе прозвучало что-то похожее на детский испуг.

— Или в кабачок, — уточнил Шуша. — С тыквой у меня ассоциации приятнее. Так вот. Ей... ему нужно ехать в столицу, в Академию. Или хотя бы к частному наставнику.

— А чего не здесь? — спросил батюшка, явно пытаясь вернуть себе хоть крупицу контроля над ситуацией.

— Потому что здесь, — Шуша прыгнул на землю и встряхнулся, — нет нужных артефактов, книг и, простите за прямоту, мозгов, способных уследить за этим ходячим недоразумением. — Он кивнул в мою сторону. — А в столице есть. Кроме того, — демон обвёл хвостом двор, — там меньше вероятность, что соседи, прознав про «странного княжича», решат напасть и оттяпать земли, пока наследник занят превращением меча в цветочки.

Батюшка крякнул и погладил бороду. Было видно, что в его голове сейчас крутятся колёсики — медленно, со скрипом, но крутятся.

— А это... — он вдруг глянул на меня исподлобья, — точно не пройдёт? Ну, то, что он — она? Может, обратно как-то?

Я пожала плечами:

— Понятия не имею. Но Шуша прав: чтобы разобраться, нужна столица.

— И тебе нужны деньги, — вдруг встрял барон Толстосуб. Все повернулись к нему. Он, уже немного осмелевший, даже пирожок отложил на перила. — На дорогу. На Академию. На всё. А казна у Волконских, уж простите за прямоту, в плачевном состоянии.

Батюшка нахмурился, но спорить не стал.

— Сколько? — спросил он коротко.

— Много, — вздохнул барон. — Но я, так и быть, войду в положение. — Он полез за пазуху и вытащил увесистый кошель. — Вот. Здесь пятьдесят золотых. Это в долг. Под честное слово, что Дмитрий... или как там его... Вика? Вернёт род Волконских на карту. И заодно привезёт мне из столицы что-нибудь полезное. Говорят, там артефакты продают.

— Привезу, — пообещала я, принимая кошель. — И вам спасибо, барон. Вы неожиданно добрый человек.

— Я не добрый, — буркнул барон, снова хватая пирожок. — Я дальновидный. Если вы раскроете свой потенциал, Волконские снова поднимутся. А у меня с ними договор о сотрудничестве. Взаимовыгодном. Так что не подведите.

— Не подведём, — кивнула я и повернулась к Агафье, которая всё ещё стояла на крыльце, теребя край платка. — Ну, а вы что решили? Что вам больше по душе: вернуться к отцу или поехать с нами в столицу?

Агафья подняла глаза. И знаете, что я в них увидела? Не страх. Не покорность. А тихую, но очень отчётливую сталь. Таковую, какая бывает у людей, которые долго-долго ждали своего часа — и наконец дождались.

— Я поеду с вами, — сказала она твёрдо. — Отец всё равно считает, что я «неудачный товар». А здесь... здесь вы — первая, кто посмотрел на меня как на человека, а не как на мышеловку. Я не хочу это терять.

— Вот и ладушки, — я улыбнулась ей — и, кажется, впервые за всё утро улыбка у меня вышла не кривой и не дурацкой, а вполне себе человеческой. — Значит, завтра выезжаем.

— Зачем завтра? — Шуша, снова превратившийся в человека, стоял, прислонившись к колодцу и скрестив руки на груди. Теперь, когда он не пугал никого огненными шарами, можно было его рассмотреть. Высокий, бледный, с острыми скулами и чёрными волосами, спадающими на плечи. И эти глаза — зелёные, с вертикальным, как у кота, зрачком. Он выглядел как модель из журнала «Тёмные силы Today», и, кажется, прекрасно об этом знал.

— А чего тянуть? — продолжал он. — Соберите самое необходимое — и в путь. До темноты успеем добраться до трактира «Три ржавых подковы». Я, конечно, не в восторге от их сервиса, но ночевать в поле ещё хуже.

— Но... — начала было я, но Шуша перебил:

— Что — «но»? Ты маг, но не обученный. Твоя сила может выкинуть фортель в любой момент. Лучше выехать сейчас, пока всё спокойно, и к вечеру быть под крышей.

— Он прав, — неожиданно поддержал демона батюшка. — Езжайте. Федьку возьми с собой — он парень верный, хоть и языкатый. И Агафью. И это... — он вдруг запнулся, потом махнул рукой, — береги себя. Или себя. Тьфу, совсем запутался. В общем, возвращайся. Ты — последняя надежда рода, хоть и... не совсем та, что я ожидал.

Я шагнула к нему и, подчиняясь какому-то внезапному порыву, обняла. Батюшка окаменел: видимо, Дмитрий никогда не позволял себе таких нежностей. Но спустя секунду его рука неуверенно легла мне на плечо и даже чуть похлопала.

— Ладно, ладно, — пробормотал он. — Иди уже. А то передумаю.

Через час мы собрались. Федька уложил в дорожную сумку самое необходимое: сменную рубаху, плащ, флягу (на этот раз с водой, а не со сбитнем — проверено лично), остатки золота и тот самый перочинный ножик, над которым батюшка вчера смеялся. Агафья вышла в скромном дорожном платье, с узелком в руках, и в её глазах горел тот самый тихий, но упрямый огонь. Шуша снова стал котом и теперь восседал на плече Федьки с видом султана, которого несут в паланкине.

И вот, когда мы уже двинулись к воротам, нас догнал барон Толстосуб. Запыхавшийся, красный, он размахивал каким-то свёртком.

— Постойте! — крикнул он. — Вот! Чуть не забыл! — и сунул свёрток мне в руки. — Это карта. Старая, но точная. Трактир «Три ржавых подковы» там отмечен. И ещё... — он замялся, — если встретите в столице хорошую невесту... Ну, такую, чтобы не очень смеялась, когда я ем...

— Пришлю, — пообещала я торжественно. — Как минимум одну.

— И я не шутил, помните? — барон подмигнул. — Артефакт мне привезите. Или зелье от одышки.

— Договорились!

И мы вышли за ворота. Дорога стелилась под ноги — пыльная, ухабистая, совсем не похожая на трассу из моего мира. Но, знаете, в этом было что-то удивительно правильное. Потому что здесь нельзя было ехать на автопилоте: нужно было смотреть под ноги, уворачиваться от колдобин и держать ухо востро. А когда смотришь под ноги — меньше зацикливаешься на том, что у тебя ширинка, и как с ней управляться.

— Эй, Вика, — вдруг раздался голос Шуши, который по-прежнему сидел на плече у Федьки и теперь щурился на дорогу. — Ты карту-то развернула?

Я остановилась, сунула руку в сумку и вытащила баронов свёрток. Развернула. И уставилась на пожелтевший пергамент, исчерченный какими-то линиями, кружочками и пометками на непонятном языке.

— Шуша, — позвала я. — А ты, случайно, не умеешь это читать?

— Умею, — отозвался демон. — Но не буду.

— Почему?!

— Потому что ты — маг. А маг должен уметь сам. Это азы. Разбирайся.

— Шуша!

Но кот уже закрыл глаза и заурчал — так громко, что птицы с ближайшего дерева сорвались и улетели.

Федька покосился на демона, на меня, на Агафью — и глубокомысленно изрёк:

— Ну, начинается...

И я вдруг поняла: да. Начинается. Настоящее приключение. С картой, которую я не умею читать, с демоном, который притворяется котом, с девушкой, которая никогда не видела большого мира, и с парнем, который видал всякое, но даже он не видел женщину в теле княжича.

Мы двинулись дальше — к трактиру «Три ржавых подковы», к разбойникам, к тайнам и, возможно, к славе. А может, и к полному провалу.

Глава 3. «Три ржавых подковы», или Краткий курс столового этикета для демонов

До трактира мы добрались, когда солнце уже цеплялось краем за верхушки деревьев. «Три ржавых подковы» представляли собой зрелище... колоритное. Вывеска висела на одной петле и жалобно скрипела при каждом дуновении ветра, крыльцо просело так, что Федька, поднимаясь, мрачно заметил: «Того гляди к предкам спустимся», а внутри пахло жареным луком, элем и чем-то ещё, что я бы назвала «ароматом приключений». Попахивало, если честно, застарелым дымом и мокрой шерстью, но после целого дня пути даже это казалось почти уютным.

Хозяин — тот самый, с фиолетовыми глазами, — встретил нас у входа. Вблизи он выглядел ещё загадочнее: высокий, худой, с неестественно бледной кожей и глазами, которые мерцали в полумраке как два аметиста. Одет был в чёрное, что, конечно, добавляло ему баллов по шкале «таинственный незнакомец».

— Путники, — произнёс он низким, обволакивающим голосом. — Давненько здесь не появлялись гости из рода Волконских.

Я уже открыла рот, чтобы выдать стандартное «мы просто переночевать, спасибо», но вспомнила наше утро, вспомнила демона, вспомнила карту, которую так и не научилась читать, и ляпнула:

— Слушайте, если вы сейчас скажете, что я Избранный и должен спасти мир, — я развернусь и пойду ночевать в сарай.

Хозяин моргнул. Потом, к моему удивлению, вдруг усмехнулся — коротко, сухо, но всё же.

— Нет, — сказал он. — Вы просто должны заплатить за ужин. Я — Арчибальд, хозяин этого заведения. Никаких пророчеств. Только бизнес.

— Арчибальд? — переспросила я, чувствуя, как где-то в районе моего плеча (где сидел Шуша в кошачьем обличье) возникает лёгкая вибрация. Демон заурчал. Не злобно, а скорее... заинтересованно.

— Имя как имя, — пожал плечами хозяин. — Ну, так что, будете заказывать ужин или весь вечер на пороге стоять?

— Будем! — подала голос Агафья и тут же смутилась собственной смелости. Но я одобрительно кивнула: правильно, привыкай.

Мы заняли стол в углу — подальше от глаз, поближе к камину. Федька отправился устраивать нашу единственную лошадь (вторую мы купили по дороге у какого-то совсем отчаявшегося крестьянина), Агафья тихо раскладывала на коленях свой нехитрый узелок, а Шуша...

Шуша снова стал человеком.

И вот тут-то всё и началось.

Если вы никогда не видели, как демон седьмого круга в человеческом обличье впервые в жизни садится за общий стол, — вы многое потеряли. Честное слово.

Шуша был красив — об этом я вроде уже упоминала. Высокий, бледный, с чёрными волосами, которые спадали на плечи как дорогой шёлк, и острыми скулами, достойными кисти какого-нибудь возрожденческого мастера. Глаза — зелёные, с вертикальным кошачьим зрачком, — мерцали в полумраке трактира, как два изумруда. Одет он был, разумеется, во всё чёрное (видимо, у демонов дресс-код такой). В общем, если бы в этом мире существовал журнал «Тёмные силы Today», Шуша был бы на обложке. И он об этом прекрасно знал.

Но как только на столе появились приборы — а Арчибальд, надо отдать ему должное, сервировал вполне прилично для придорожной дыры, — всё пошло наперекосяк.

Шуша уставился на свою тарелку. Потом — на вилку. Потом — на нож. Потом снова на вилку. В его взгляде читалось сложное чувство, которое я бы расшифровала как «что это за игрушки и почему вы тычете ими в еду, когда у вас есть руки?».

— Это... — начал он, беря вилку двумя пальцами, как какую-то диковинную заморскую гадость, — что за пыточные инструменты?

— Столовые приборы, — терпеливо пояснила я. — Вилка, нож, ложка. Люди пользуются ими, чтобы есть. Цивилизованно.

— Ци-ви-ли-зо-ван-но, — произнёс Шуша по слогам, будто пробуя слово на вкус. Слово ему явно не понравилось. — То есть, когда я ем мясо лапами, это, по-вашему, нецивилизованно?

— Именно.

— А когда ты сегодня утром пытался надеть штаны задом наперёд — это, стало быть, цивилизованно?

Я поперхнулась. Агафья, не выдержав, фыркнула в кулак. Но быстро взяла себя в руки и неожиданно для всех (и для себя, кажется, тоже) произнесла:

— Позвольте, я покажу.

Мы все уставились на неё. Она, раскрасневшись, взяла свой нож и вилку.

— Мой отец... он всегда говорил, что аристократу неприлично не уметь пользоваться приборами, — пояснила она тихо. — Меня учили. Долго. И строго. Так что, если позволите...

И она показала. Изящно, аккуратно — вилка в левой, нож в правой, отрезала кусочек мяса, поднесла ко рту. Движения плавные, точёные. Сразу видно: не одну сотню раз повторяла.

Шуша смотрел на неё, сощурился. Потом перевёл взгляд на свою вилку. Потом снова на Агафью. В его зелёных глазах промелькнуло что-то вроде уважения пополам с раздражением.

— И долго ты этому училась? — спросил он.

— Год, — ответила Агафья. — Но вы... вы способный. Думаю, справитесь быстрее.

— Я — демон седьмого круга, — напомнил Шуша ледяным тоном. — Я управляю огнём и тьмой. Я могу превратить этот трактир в горстку пепла одним движением брови. И ты предлагаешь мне учиться пользоваться... вилок?

— Да, — спокойно ответила Агафья, и я увидела в её глазах ту самую сталь, которую заметила утром. — Если вы хотите путешествовать с нами, вам придётся соблюдать приличия. В столице демонов, которые едят руками, могут не понять.

Шуша открыл рот. Закрыл. Потом взял вилку. Неуклюже, но уже не двумя пальцами. Повертел в руке и вдруг мрачно изрёк:

— В преисподней таких проблем не было.

— А что у вас было в преисподней? — не выдержала я. — Кроме котлов и грешников?

— Сырое мясо, — ответил Шуша. — И отсутствие столовых приборов. И вообще столов. Мы ели с пола.

— Как коты? — уточнила я.

Шуша метнул в меня испепеляющий взгляд. Но вилку взял. И через пять минут, ворча и огрызаясь, уже довольно сносно орудовал ножом. Федька, вернувшийся с конюшни и заставший эту картину, присвистнул:

— Ничего себе. Демона дрессируют. А я-то думал, меня уже ничем не удивить.

— Заткнись, — буркнул Шуша, но без особой злобы.

Вилка ещё пару раз выскальзывала у него из пальцев, нож упорно не хотел резать мясо (потому что Шуша держал его лезвием вверх), а когда на столе появился чай и пирог, демон и вовсе впал в ступор. Ложку он, кажется, счёл личным оскорблением: зачем зачерпывать жидкость, если можно просто вылакать? Но под строгим взглядом Агафьи он нехотя подчинился.

Я смотрела на эту картину — и чувствовала, как внутри разливается странное, тёплое чувство. Нет, не от сбитня (его на стол не подавали, и я была этому безмерно рада). А от того, что мы — такая разномастная, нелепая, невозможная компания — сидим тут, в трактире на краю мира, и учим демона есть вилкой. И Агафья, которая ещё вчера не смела поднять глаз, теперь командует Шушей. И Федька, который перестал бояться и теперь отпускает саркастичные комментарии. И я — попаданка, маг-недоучка, которая до сих пор не знает, с какой стороны подойти к собственной магии.

Арчибальд, проходя мимо с подносом, бросил взгляд на нашу компанию и вдруг тихо произнёс:

— Забавные вы. Давно таких не видел.

— Каких — таких? — спросила я.

— Разных, — сказал он. — И при этом... вместе. Это редкость. Берегите друг друга.

И ушёл, прежде чем я успела что-то ответить.

Шуша наконец справился с чаем (держа кружку так, будто в ней был яд) и вдруг повернулся ко мне.

— Вика, — сказал он тихо, почти без сарказма. — Завтра начнём тренировки. Я не шутил насчёт тыквы. Твоя магия нестабильна.

— Я готова, — кивнула я. — То есть... мне кажется, готова. Хотя если честно, я понятия не имею, что делать.

— Узнаешь, — коротко пообещал Шуша и снова взялся за вилку. На этот раз — почти правильно.

Агафья улыбнулась ему — тепло, без страха. И Шуша, страшный демон седьмого круга, не стал огрызаться в ответ. Только уши (по-прежнему слегка заострённые) едва заметно порозовели.

Федька, глядя на всё это, глубокомысленно изрёк:

— Ну, если демоны вилками учатся пользоваться, может, и я как-нибудь грамоте обучусь, а?

— Обязательно, — пообещала я. — Будем учиться все вместе. А теперь давайте спать. Завтра — столица. А до неё ещё топать и топать.

Проснулась я от того, что кто-то нагло тыкал меня в щеку. Не пальцем — лапой. Когтистой. С чуть выпущенными коготками.

— Вставай, — пророкотал знакомый голос у меня в голове. — Солнце уже высоко. Завтрак стынет. И твоя подопечная, кажется, задумала что-то недоброе.

— Агафья? — я села, протирая глаза, и тут же приложила локтем о спинку кровати. — Ай! Что она задумала?

— Не знаю, — Шуша, сидевший на подоконнике в обличье кота, дёрнул хвостом. — Но она смотрит на меня так же, как вчера, перед тем как начать урок с вилкой. И это меня, признаться, настораживает. Собирайся давай, маг-недоучка. Без тебя я к столу не сяду.

Я усмехнулась про себя. Демон седьмого круга, повелитель огня и тьмы, боялся сесть за стол без поддержки. Кажется, вчерашний урок не прошёл для него даром.

Кое-как приведя себя в порядок (штаны — правильно, рубашка — не наизнанку, уже рекорд!), я спустилась в общий зал.

Там уже всюду пахло кашей, свежим хлебом и чем-то травяным. За угловым столом сидела Агафья — с абсолютно безмятежным видом, будто не она вчера впервые в жизни смеялась в голос. Перед ней стояла тарелка, кружка и — о боже — маленькая десертная ложка. А напротив неё, спиной ко мне, сидел Шуша в человеческом обличье и, кажется, гипнотизировал кружку с молоком.

Арчибальд, проходя мимо с подносом, бросил на меня короткий взгляд:

— Ваши спутники уже в сборе. И ваш... э-э... друг, кажется, в глубокой задумчивости. Я бы даже сказал, в трауре по чему-то.

— По лапам, — тихо ответила я. — По свободным лапам без вилок. Спасибо, Арчибальд. И двинулась к столу.

— Доброе утро, — сказала я, подсаживаясь. — Что у вас тут?

Шуша поднял на меня взгляд — мученический, полный вселенской обречённости.

— У нас тут, — процедил он, не разжимая зубов, — продолжение пытки. Твоя протезе считает, что раз я вчера освоил вилку, сегодня должен освоить ложку для десерта.

— Это для каши, — поправила Агафья мягко, но настойчиво. — И это не пытка. Это этикет.

И понеслось...

— Эти-кет, — произнёс Шуша тем же тоном, каким вчера пробовал на вкус слово «цивилизованно». — А в преисподней мы ели кашу так...

Он поднял кружку и сделал движение, будто собирается вылакать содержимое.

— Нет! — Агафья мягко, но решительно опустила его руку. — Ложкой. Вот так.

И она показала. Снова. Терпеливо, подробно, с той же точёной грацией, что и вчера. Шуша смотрел на неё с таким выражением, будто она предлагала ему не кашу есть, а как минимум станцевать менуэт.

— Агафья, — сказал он медленно, — ты понимаешь, что я за свою жизнь испепелил три города, четыре крепости и одного особенно наглого мага?

— Понимаю, — кивнула она, не моргнув. — И тем не менее, ложка. В левую руку. Нет, левую.

Шуша скрипнул зубами. Но ложку взял. Кривовато, неуклюже, явно чувствуя себя полным идиотом. Но взял.

Я наблюдала за этой картиной с абсолютным, почти священным восторгом. Федька, подошедший с подносом (он взял на себя заботу о завтраке), застыл на полдороги и зашептал мне на ухо:

— Это вообще законно? Демона — ложкой?

— Тсс, — отмахнулась я. — Не мешай. Тут исторический момент.

Шуша тем временем зачерпнул кашу. Неуклюже, но зачерпнул. Поднёс ко рту. Промахнулся — капля упала на стол. Он зашипел, как настоящий кот, которому на лапу наступили.

— Ничего, — успокоила Агафья. — С первого раза ни у кого не получается. Попробуйте ещё.

— Я демон седьмого круга, — напомнил Шуша, но уже как-то без огонька. — Я не должен...

— А вы попробуйте, — мягко перебила Агафья, — не как демон. А как... гость. За столом. Среди друзей.

И тут случилось странное. Шуша замолчал. Посмотрел на неё — долгим, нечитаемым взглядом зелёных глаз. Потом перевёл взгляд на меня. Потом на Федьку, который всё ещё стоял столбом с подносом.

— Среди... друзей? — переспросил он тихо.

— Ну да, — подтвердила я. — Ты теперь с нами. А мы — друзья. Это значит, что мы будем над тобой подшучивать, но не дадим в обиду. И кашей поделимся. Даже если ты её мимо рта пронесёшь.

Шуша моргнул. Кажется, слово «друзья» было для него ещё более незнакомым, чем «этикет». Но спорить не стал. Только буркнул что-то неразборчивое, взял ложку и — с четвёртой попытки — всё-таки отправил кашу в рот.

— Ну вот, — улыбнулась Агафья. — А вы боялись.

— Я не боялся! — возмутился Шуша, но уши у него снова порозовели. Совсем чуть-чуть, кончиками.

Федька наконец поставил поднос и плюхнулся на скамью рядом со мной.

— Ну, — сказал он, оглядывая нашу компанию, — если демоны кашу ложкой едят, может, и лошадь наша летать научится, а?

— Не дождёшься, — отрезал Шуша, но уголок его губ дрогнул. Почти улыбка. Почти.

После завтрака — который Шуша окрестил «позором на двадцать золотых», потому что он всё-таки опрокинул кружку с молоком на колени, а Агафья даже бровью не повела, только сказала: «Ничего, отстирается» — мы начали собираться в дорогу.

То есть, как — «мы». Я собиралась. Федька собирал. Агафья перебирала свой нехитрый узелок, то и дело бросая короткие взгляды на Шушу — видимо, прикидывала, не пора ли его учить ещё и салфеткой пользоваться. А Шуша, снова ставший котом, сидел на перилах крыльца и с видом оскорблённой королевы вылизывал пострадавшее от молока колено.

— Ты на лошади-то умеешь? — спросил Федька, подтягивая подпругу на нашей второй кобыле. Кобыла была молодая, нервная и, кажется, не одобряла всю нашу компанию разом. Особенно Шушу. При виде демона она косила глазом и издавала звук, похожий на «хр-р-р».

— Я? — я задумалась. Воспоминания княжича подкинули смутную картинку: он, верхом, падает в лужу. Потом ещё раз. И ещё. — Ну, в теории. Практика, правда, была так себе.

— Ясно, — вздохнул Федька. — Тогда поедем шагом. И лучше привяжите себя к седлу. На всякий случай.

Агафья, которая уже сидела в седле с неожиданной для такой тихой девицы лёгкостью, чуть заметно улыбнулась:

— Я могу ехать рядом. Если что — поймаю.

— Вот уж спасибо, — буркнула я, взбираясь на кобылу. Та немедленно сделала шаг в сторону, и я чуть не съехала обратно. Шуша, наблюдавший эту картину с крыльца, негромко хмыкнул в усы.

— И не стыдно? — бросила я ему. — Мог бы и помочь.

— Мог бы, — согласился Шуша. — Но это же унижительно. И весело.

— Скотина ты, а не кот, — резюмировала я.

— Я демон седьмого круга. Я выше этих ваших классификаций.

Арчибальд вышел на крыльцо проводить нас. В утреннем свете его фиолетовые глаза казались ещё более необычными, почти светящимися. Он скрестил руки на груди и вдруг сказал:

— Княжич. На пару слов.

Я подъехала ближе, чуть не снеся коленом перила.

— Слушаю.

— Там, — он кивнул куда-то в сторону дороги, — за лесом, будет мост. Старый. Через овраг. Последнее время там пошаливают.

— Разбойники? — уточнила я, вспомнив предупреждения Потапа.

— Можно сказать и так, — Арчибальд помолчал, будто подбирая слова. — Только это не простые разбойники. Они не грабят. Они... проверяют. Ищут что-то. Или кого-то.

— Очень конкретное описание, спасибо, — вздохнула я. — И что им надо?

Арчибальд чуть склонил голову набок, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Не знаю, — сказал он медленно. — Но они почему-то всегда останавливают магов. И тех, кто ещё не знает о своей силе. Будьте настороже.

Шуша, до этого делавший вид, что происходящее его не касается, вдруг спрыгнул с перил и в два мягких прыжка оказался на моём седле. Кобыла испуганно всхрапнула, но демон только цыкнул на неё — и она странно затихла.

— Мост, говоришь? — промурлыкал Шуша, и в его голосе послышалось что-то, чего я раньше не слышала. Какая-то... ностальгия? — Интересно.

— Ты знаешь это место? — спросила я.

— Возможно, — уклончиво ответил кот. — Поехали, маг-недоучка. До темноты нужно пересечь лес. Не хочу ночевать среди деревьев: там сыро, и прошлый раз я чихал три дня.

— Демоны чихают?

— Демоны всё делают. Со вкусом. Поехали.

И мы двинулись в путь.

Дорога петляла среди полей, потом нырнула в лес, и сразу стало темнее и тише. Деревья смыкались над головой, образуя живой туннель из ветвей и листьев, пахло прелью, грибами и чем-то сладким — не то дикий мёд, не то цветущая липа. Федька ехал первым, насвистывая что-то себе под нос и изредка похлопывая лошадь по шее. Агафья держалась рядом со мной, и я заметила, что её рука то и дело касается пояса, где у неё висел маленький, но явно острый кинжал.

— Ты откуда это? — спросила я.

— От отца, — ответила она коротко. — Он считал, что женщине оружие ни к чему. А матушка считала иначе. Тайком научила.

— Так ты ещё и с ножом умеешь?

— Я много чего умею, — ответила Агафья всё так же тихо, но в её голосе прозвучала гордость. — Просто раньше этого никто не спрашивал.

Я хотела ответить что-то, но тут Шуша, до этого дремавший в седельной сумке, вскинул голову. Уши его встали торчком, хвост напрягся.

— Тише, — сказал он мысленно, и я машинально передала «тише» вслух.

— Что такое? — Федька натянул поводья, останавливая лошадь.

— Впереди, — Шуша спрыгнул на землю и потянул носом воздух, — кто-то есть. У моста. Трое. Может, четверо. И один из них — не человек.

Мы переглянулись.

— Не человек — это как ты? — уточнила я.

— Нет, — Шуша прищурился. — Я — демон. А это что-то другое. Полукровка. Или наймит. Не знаю. Но магией от него несёт за версту.

— И что нам делать? — спросила Агафья, и её рука сама легла на рукоять кинжала.

Шуша вдруг ухмыльнулся — совсем по-человечески, хотя был в кошачьем облике.

— Как что? — сказал он с явным предвкушением. — Поедем знакомиться. Заодно и проверим, на что способна наша Вика. А то всё вилки да ложки — скучно.

— Я не готова! — возмутилась я.

— Никто не готов, — философски заметил Федька и тронул лошадь вперёд. — Так всегда и живём.

Агафья молча кивнула и вытащила кинжал из ножен. Лезвие тускло блеснуло в лесном полумраке. И мы двинулись к мосту.

Глава 4. Мост через овраг, или Краткий курс боевой магии для начинающих (и их демонов)

Мост показался из-за деревьев внезапно — как старая, давно забытая декорация к какой-то мрачной пьесе. Он был каменный, но камень этот выщербился и покрылся мхом, а перила с одной стороны обрушились, так что мост выглядел так, будто его бросили здесь умирать ещё при прадедах нынешнего батюшки. Под ним, в овраге, лениво журчал ручей — слишком тихий и слишком тёмный для такого солнечного дня.

А перед мостом горел костёр. И вокруг костра сидели они.

Трое. Двое выглядели как обычные наёмники — кожа, железо, неухоженные бороды и взгляды, какими обычно смотрят на мир люди, давно махнувшие на него рукой. Но третий...

Третий сидел чуть поодаль, на камне, и не смотрел в огонь. Он смотрел прямо на нас. И когда я поймала его взгляд, то сразу поняла: вот этот — не человек.

Внешне он был почти обычным — высокий, поджарый, с пепельными волосами, стянутыми в низкий хвост, и тонкими, какими-то слишком резкими чертами лица. Одет в тёмно-серое, без доспехов, но с мечом на поясе — длинным, узким, явно не для парадов. Но главное было в другом. Когда он моргнул, его глаза на долю секунды полыхнули серебряным — как отблеск луны на воде. И воздух вокруг него едва заметно дрожал, как над горячим асфальтом в июльский полдень.

— Маг, — тихо сказала я.

— Наймит, — поправил Шуша, и в его мысленном голосе прозвучала такая смесь узнавания и раздражения, что я невольно напряглась. — Полукровка. И, кажется, я его знаю.

— Откуда?!

— Из прошлого, — уклончиво ответил кот. — Очень далёкого прошлого. Не отвлекайся. Они заметили нас.

И правда. Один из наёмников уже поднимался на ноги, лениво, как человек, который делает привычную, давно надоевшую работу. Второй остался сидеть, но руку положил на рукоять топора.

— Эй, путники! — крикнул тот, что встал. Голос у него был хриплый и какой-то... скучающий. — Через мост — только после проверки!

— И что же вы проверяете? — отозвался Федька, останавливая лошадь. Голос его звучал спокойно, но я заметила, как побелели костяшки его пальцев на поводе.

— Не что, а кого, — внезапно подал голос третий, тот самый полукровка. И голос у него был под стать внешности: тихий, с серебристым отзвуком, как будто где-то на заднем плане звенит струна. — Мы ищем магов. Необученных. Тех, кто ещё не знает о своей силе. Или знает, но не умеет ею пользоваться.

— И что вы делаете, когда находите? — спросила я, и мой бас прозвучал, кажется, громче, чем нужно. Эхо прокатилось над оврагом и затихло где-то в кронах.

Полукровка чуть склонил голову набок, разглядывая меня, как разглядывают необычный экспонат.

— Смотря кого находим, — произнёс он, и его губы тронула едва заметная улыбка. — Кого-то приглашаем с нами. Кого-то... предупреждаем. А кого-то, — он вдруг перевёл взгляд на Шушу, и улыбка исчезла, — узнаём. Здравствуй, Шуша. Давно не виделись.

Повисла пауза. Я перевела взгляд с полукровки на нашего демона, с демона — обратно. Шуша, всё ещё в кошачьем обличье, сидел на моём седле и, кажется, раздумывал: то ли притвориться обычным котом, то ли уже не стоит.

— Мирослав? — произнёс он наконец вслух, и в его голосе человеческого было больше, чем кошачьего. — Ты всё ещё жив?

— Как видишь, — полукровка развёл руками. — А ты, я погляжу, обзавёлся компанией. И, если не ошибаюсь, — он снова посмотрел на меня, и в его глазах мелькнул серебряный огонь, — молодым магом.

— Это не твоё дело, — отрезал Шуша.

— Ошибаешься. — Мирослав поднялся с камня и сделал шаг вперёд. — Это именно моё дело. Я работаю на того, кто ищет магов. Необученных магов. Таких, как твой спутник.

— И кто же твой наниматель? — спросила я, пытаюсь, чтобы голос не дрожал. Получалось так себе.

Мирослав посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом вдруг улыбнулся — на этот раз почти тепло.

— А ты смелый мальчик. Или... — он прищурился, и воздух вокруг него заколебался сильнее, — не совсем мальчик? Интересно. Очень интересно.

— Я — Дмитрий Волконский, — сказала я твёрдо (и про себя порадовалась, что имя княжича выговорила без запинки). — И мы просто едем в столицу. Учиться магии.

— В столицу? — Мирослав вдруг рассмеялся — коротко, сухо, будто каркнул. — Ты хоть знаешь, что сейчас творится в этой твоей столице? Маги без родового покровительства — дичь. На них охотятся. Их скупают, продают, используют. Ты — ходячий ресурс, княжич. И если я это вижу, то другие — тоже увидят.

— Я не ресурс, — возразила я.

— Пока нет, — легко согласился Мирослав. — Но станешь, если не научишься защищаться. — Он помолчал, потом добавил: — Хочешь, дам совет?

— Бесплатных советов не бывает, — буркнул Шуша.

— Этот бесплатный. — Мирослав встал напротив меня и заглянул прямо в глаза. — У тебя внутри — сила. Древняя, нестабильная, чужая этому телу и оттого ещё более опасная. Если ты её выпустишь сейчас, без подготовки, она порвёт тебя в клочья. А если не выпустишь — порвут другие. Так что ищи наставника. Быстро. И не доверяй никому, кто предложит «помощь» за просто так.

— Кроме тебя, разумеется? — не удержалась Агафья. Её голос, обычно тихий, прозвенел в тишине леса как колокольчик — но колокольчик, который внезапно вытащил кинжал.

Мирослав перевёл взгляд на неё. Удивлённо. Заинтересованно.

— Девочка с ножом, — произнёс он. — И с языком. Мне нравятся такие. Нет, я не предлагаю помощь. Я предлагаю предупреждение. Дальше — сами.

Он кивнул наёмникам, и те нехотя расступились, освобождая проход к мосту.

— Так просто? — не поверила я.

— А зачем усложнять? — Мирослав пожал плечами и снова сел на свой камень. — Я узнал то, что хотел. А ты получил повод задуматься. И, Шуша, — добавил он уже через плечо, — позаботься о них. Особенно о девочке.

— Сам знаю, — отрезал кот. — Поехали, Вика.

Мы двинулись через мост. Копыта лошадей глухо простучали по старому камню, и звук этот утонул в журчании ручья. Когда я оглянулась, костёр всё ещё горел. Мирослав сидел на камне и смотрел нам вслед. И, кажется, улыбался.

— Шуша, — сказала я, когда лес сомкнулся за нами, и дорога снова побежала среди полей, — кто это? И что у вас за история?

Демон долго молчал. Потом вздохнул — совсем по-человечески.

— Это, — сказал он, — та самая история, из-за которой я стал фамильяром рода Волконских. И я расскажу её. Но не сейчас. Сейчас нам нужно добраться до следующего трактира

и там спокойно сесть и подумать. Потому что то, что сказал Мирослав, — правда. В столице тебя ждут. Но ждут не с цветами. А с цепями.

— С цепями? — переспросила Агафья, и в её голосе прозвучала ярость. Настоящая, совсем не тихая.

— С цепями, — подтвердил Шуша. — Магов в этом мире либо покупают, либо уничтожают. Третьего не дано.

Я сглотнула. В моём старом мире меня тоже пытались купить — зарплатой, условиями, обещаниями карьерного роста. В этом мире, видимо, всё ещё проще и грубее. Ну что ж.

— Не дождётся, — сказала я.

Кобыла подо мной всхрапнула, будто соглашаясь. Шуша промурлыкал что-то неразборчивое. А Агафья сжала кинжал крепче — и в её глазах загорелся тот самый стальной огонёк, который я уже успела полюбить.

Вот так мы и ехали: четверо (считая демона, который притворяется котом, и лошадь, которая притворяется спокойной), навстречу столице, которая нас ждёт с цепями. Но, знаете... почему-то мне всё равно было хорошо. Потому что, когда у тебя за спиной демон с краснеющими ушами, под боком — девица с ножом, а впереди — враги, которые тебя ещё не знают, приключение перестаёт быть страшным. Оно становится... личным.

От моста мы отъехали молча. Лес постепенно редел, уступая место пологим холмам, заросшим вереском и какими-то колючими кустами, но никто не спешил нарушать тишину. Федька больше не насвистывал. Агафья не выпускала кинжал из рук, хотя опасность вроде бы миновала. А Шуша... Шуша сидел в своей седельной сумке, свернувшись клубком, и делал вид, что дремлет. Но я-то видела: уши у него подрагивали, а кончик хвоста нервно дёргался туда-сюда.

— Шуша, — позвала я наконец. — Ты обещал тренировку. И рассказ.

Кот открыл один глаз. Зелёный, с вертикальным зрачком, он мерцал в солнечном свете, как полудрагоценный камень.

— Тренировку — да. Рассказ — позже. Не всё сразу, маг-недоучка. У тебя и так голова сейчас лопнет от впечатлений.

— Не лопнет, — возразила я. — У меня голова крепкая.

— Это мы ещё проверим, — хмыкнул Шуша, но всё же выбрался из сумки, потянулся (сначала передними лапами вперёд, потом задними назад, совсем как Персик на ковре) и спрыгнул на землю. — Сворачивайте к ручью. Нам нужна вода и открытое пространство. На случай, если ты что-нибудь подожжёшь.

— Что-нибудь — это, например, лошадь? — уточнил Федька.

— Лошадь — это в лучшем случае, — отрезал Шуша. — В худшем — себя.

Я сглотнула. Перспектива самоподжога меня, мягко говоря, не вдохновляла. Но отступать было некуда.

Мы нашли небольшую поляну у ручья. Федька привязал лошадей к старой иве, Агафья устроилась на поваленном бревне, аккуратно расправив юбку, но кинжал так и оставила на коленях — «на всякий случай». А Шуша, снова приняв человеческий облик (на этот раз без спецэффектов, просто взял и вырос в свою бледнокожую красивую версию), встал напротив меня, скрестив руки на груди.

— Итак, — начал он тоном университетского лектора, которому достался самый тупой студент, — что ты знаешь о магии?

— Ничего, — честно ответила я.

— Уже прогресс, — кивнул Шуша. — Большинство людей думают, что знают что-то, а на деле не знают ничего. Ты хотя бы честна. Слушай внимательно: магия — это не огненные шары из книжек. Ну, то есть, шары — тоже. Но главное — это воля. Твоя воля, направленная на то, чтобы изменить реальность. Ты хочешь, чтобы камень сдвинулся — и он сдвигается. Ты

хочешь, чтобы сухая ветка загорелась — и она горит. Ты хочешь, чтобы враг ослеп на минуту, — и он ослеп. Но всё это работает только при одном условии.

— Каком?

— Ты должна точно знать, чего хочешь. Не сомневаться. Не бояться. Не отвлекаться на мысли вроде «ой, а вдруг не получится». Потому что магия питается от твоей уверенности. Сомнение — яд для заклинаний.

— Звучит просто, — осторожно заметила я.

— Звучит, — согласился Шуша, и в его зелёных глазах мелькнул опасный огонёк. — А теперь попробуй. Видишь камень?

Он указал на небольшой булыжник, лежавший у кромки воды, — серый, гладкий, размером с мою бывшую женскую ладонь.

— Вижу.

— Подними его. Мысленно. Не руками. Просто представь, что он становится легче воздуха, и подними.

Я вытянула руку. Уставилась на камень. Представила, как он отрывается от земли, как парит в воздухе...

Камень не шелохнулся.

— Сильнее представляй, — подсказал Шуша. — Не проси. Приказывай. Ты — маг. Камень — просто камень. Кто тут главный?

— Я, — пробормотала я. — Я главная. Давай, каменюка. Взлетай. Я тебе приказываю.

Из моих пальцев вдруг вырвался сноп искр. Ярких, золотых, с лёгким шипением — как от бенгальского огня на Новый год. Искры полетели вперёд, ударились о камень, зашипели — и камень вдруг подпрыгнул. Невысоко, на пол-ладони от земли, но подпрыгнул.

— Получилось! — заорала я, забыв про бас.

— Тише, — поморщился Шуша, но в его голосе промелькнуло что-то вроде одобрения. — Получилось — громко сказано. Но для первого раза неплохо. Теперь попробуй ещё раз. Без искр. Искры — это красиво, но бесполезно. Это твоя сила выплёскивается наружу, потому что ты не умеешь её контролировать. А ты должна научиться.

— Как?

— Как с вилкой, — вдруг раздался тихий голос. Мы с Шушой оба обернулись. Агафья сидела всё на том же бревне, но теперь на её губах играла лёгкая улыбка. — Помните? Вы, господин Шуша, тоже сначала не умели. А потом взяли и научились. Просто попробовали.

Шуша уставился на неё. Открыл рот. Закрыл.

— Сравнила, — буркнул он наконец. — Магию — и вилку.

— Принцип тот же, — не сдавалась Агафья. — Вы сказали: «Не бояться. Не сомневаться». Разве с вилкой было не так же?

Демон замолчал. Его уши — заострённые, бледные — чуть заметно порозовели. Кажется, он только сейчас осознал, что его, демона седьмого круга, только что поставили в один ряд с неумелым новичком, который учится есть ложкой. Ирония была слишком хороша, чтобы он её не оценил.

— Ладно, — вздохнул он. — Давай ещё раз, Вика. Только на этот раз не ори и не маши руками. Просто сконцентрируйся.

Я выдохнула. Закрыла глаза. Представила камень. Представила, как он поднимается — медленно, плавно, без искр и фейерверков. Просто камень, который верит мне. Просто магия, которая слушается.

— Получается, — прошептал Федька где-то в стороне. — Смотрите, получается!

Я открыла глаза. Камень висел в воздухе. Невысоко, на уровне моей ладони, и чуть покачивался, будто раздумывая — падать ему или нет. Но он висел. Сам.

— Убери его, — скомандовал Шуша, и в его голосе прозвучало напряжение. Не страх — скорее, готовность вмешаться, если что-то пойдёт не так. — Медленно. Опустит на место.

Я представила, как камень опускается. Он послушался — правда, в последний момент всё-таки плюхнулся в ручей, подняв фонтан брызг, но Шуша даже не поморщился.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе, кажется, промелькнуло уважение. — Очень хорошо. У тебя редкий дар, Вика. Редкий и опасный. И теперь я понимаю, почему Мирослав так на тебя смотрел.

— Как — так? — спросила я, отряхивая брызги с рукава.

— Как на будущую проблему, — ответил Шуша. — Либо на будущее оружие. Он ещё не решил, что с тобой делать. Но захочет решить. И, боюсь, не только он.

Я опустила на траву. Ноги вдруг стали ватными, а в висках застучало от усталости — магия, оказывается, вытягивает силы похлеще трёхчасового совещания в зуме.

— Шуша, — сказала я, глядя на ручей и на камень, который теперь мирно лежал в воде, как ни в чём не бывало, — а ты обещал рассказать. Про Мирослава. Про контракт. Про то, почему ты вообще стал фамильяром Волконских.

Демон сел рядом — прямо на траву, не заботясь о своём чёрном одеянии. Агафья подошла ближе и опустила на корточки, всё ещё сжимая кинжал. Федька остался у лошадей, но я видела: он весь обратился в слух.

— Ладно, — произнёс Шуша, глядя куда-то вдаль, за деревья. — Слушайте. Это длинная история.

— Мы никуда не торопимся, — тихо сказала Агафья.

И Шуша начал рассказывать.

Шуша сидел на траве, скрестив ноги, и смотрел не на нас — а куда-то сквозь. Туда, где за деревьями догорал невидимый закат, где ручей продолжал своё бесконечное бормотание, где, кажется, само время замедлилось, чтобы выслушать его.

— Я не всегда был котом, — начал он. И осёкся.

— Это мы уже поняли, — мягко подсказала Агафья.

— Нет. — Шуша покачал головой. — Я не в том смысле. Я не всегда был... таким. Саркастичным. Колючим. Тем, кто учится есть вилкой и делает вид, что ему плевать.

Он замолчал, подбирая слова. Я никогда не видела его таким — беззащитным, что ли? Как будто он стоял на краю чего-то очень тёмного и решался прыгнуть.

— Это началось давно, — произнёс он наконец. — Ещё до того, как Волконские стали Волконскими. До того, как этот мир разделили на княжества и роды. Я был свободным демоном. Седьмого круга, как и говорил. Огненная стихия, тёмные тропы, всё такое. — Он криво усмехнулся. — И был у меня друг.

— Мирослав? — догадалась я.

— Нет. Мирослав был... позже. Другом звали Элиана. Мы вместе работали. Он — человек, я — демон. Странный тандем, но в те времена это было обычно. Нас нанимали для охраны караванов, для защиты деревень, иногда — для войны. Мы не задавали вопросов. Мы просто делали своё дело. И однажды...

Он снова замолчал. Рука его бессознательно потянулась к вороту чёрной рубахи, будто хотела что-то нащупать под тканью.

— Однажды нас наняли охранять замок. Маленький, в горах. Там жила женщина. Знатная, но небогатая. Вдова. И у неё была дочь.

— И ты влюбился, — тихо сказала Агафья.

Шуша поднял на неё глаза. И в этом взгляде не было ни сарказма, ни колючести. Только старая, застарелая боль.

— Да, — сказал он просто. — Я влюбился. Демон седьмого круга — в человеческую девушку. Это звучит как начало дурной баллады, которую поют по трактирам. Но это было.

Она... — он усмехнулся, совсем невесело, — она пахла яблоками. Всегда. Даже зимой, когда яблок не найти. И смеялась так, что птицы замолкали.

Я покосилась на Федьку. Тот стоял, забыв про лошадей, и слушал, приоткрыв рот. Кажется, он впервые в жизни видел демона, который признаётся в любви.

— А потом? — спросила я.

— А потом пришли враги. — Голос Шуши стал жёстче. — Другой род. Им нужна была земля, невеста, власть — обычный набор. Мы с Элианом защищали замок три дня. На четвёртый Элиана убили. А на пятый враги прорвались в главную башню. Где была она.

Он замолчал. Ручей журчал, заполняя паузу.

— Я не успел. Понимаешь? — Шуша поднял на меня взгляд, и в его зелёных глазах что-то полыхнуло. Не огонь — скорее, его отражение в старом пепле. — Я был демоном. Я мог испепелить целую армию. Но я опоздал. На минуту. Она упала с башни. Сама. Чтобы не достаться врагам.

Агафья тихо ахнула и прижала руку ко рту. Её пальцы, всё ещё сжимавшие кинжал, побелели.

— И тогда я сделал то, что делают демоны, когда теряют всё, — продолжал Шуша. — Я сжёг замок. И врагов. И себя тоже. Почти.

— Почти? — переспросила я.

— Контракт, — произнёс Шуша. — Когда я горел — в прямом смысле, вместе с башней, — появился он. Прапрадед Волконских. Первый князь рода. Он был там случайно, проездом. И он предложил сделку. Я становлюсь фамилльяром его рода на тысячу лет. А он спасает меня от окончательной гибели. Связывает мою жизнь с линией наследников. Пока жив хоть один Волконский — жив и я. И наоборот.

— И ты согласился?

— Я хотел умереть, — просто ответил Шуша. — Но он сказал одну вещь. Он сказал: «Ты отомстил. Но этого мало. Отомстить — значит забыть. А ты хочешь помнить». И я... да. Я хотел помнить. Её запах. Её смех. Даже боль. Поэтому я согласился.

Повисла тишина. Даже ручей, кажется, притих из уважения.

— И теперь ты — наш, — тихо сказала Агафья. — На тысячу лет.

— Теперь я ваш, — подтвердил Шуша. — При всех дурацких вилках, завтраках и штанах задом наперёд. — Он вдруг усмехнулся. — Но знаете что? За последние двести лет этот род не рождал ни одного мага. Я уже думал, что всё — Волконские выродились, остался только этот, — он кивнул в мою сторону, — который плачет над кинжалом. А потом появляешься ты — попаданка из другого мира. И всё переворачивается.

— Это комплимент? — уточнила я.

— Это факт, — отрезал Шуша. — Ты — первая за двести лет, кто заставил меня снова бояться. И снова надеяться.

— Надеяться на что? — спросила Агафья.

Шуша перевёл взгляд на неё. Долгий, странный взгляд — будто он только что увидел в ней что-то, чего раньше не замечал.

— На то, что тысяча лет — это не срок, — сказал он. — А начало.

Мы молчали. Федька шмыгнул носом и отвернулся — делал вид, что поправляет подпругу. Агафья медленно, осторожно, убрала кинжал в ножны и вдруг протянула руку к Шуше. Тот вздрогнул, но не отодвинулся. И тогда она — тихая, кроткая Агафья, которую учили только вышивать и ловить мышей, — положила ладонь на его плечо. Просто положила. И не убрала.

— Хорошо, что ты согласился тогда, — сказала она тихо. — Иначе у нас не было бы друга. И учителя.

Шуша ничего не ответил. Но его уши — заострённые, демонические — предательски порозовели. На этот раз не от стыда. От чего-то совсем другого.

Я сидела на траве и смотрела на эту картину, и внутри у меня что-то щёлкало, будто кусочки пазла вставали на место. Демон, который любил и потерял. Девушка, которую считали «бесплезным товаром». Слуга, который видел всё и не разучился верить. И я — попаданка в мужское тело, которая учится поднимать камни силой мысли.

— Шуша, — сказала я. — А что там с Мирославом? Ты сказал, он был позже.

Демон вздохнул и кивнул:

— Мирослав — это другая история. Мы встретились, когда я уже был фамильяром. Лет триста назад. Он тогда был молод и глуп, как ты сейчас. — Он покосился на меня. — И тоже искал силу. Нашёл. Но плата была высока.

— И кто же он теперь? Наймит с серебряными глазами?

— Да. Работает на того, кто когда-то дал ему эту силу. А тот, кто дал, — Шуша помрачнел, — не любит Волконских. И никогда не любил. Так что встреча с Мирославом — это только начало.

— Тогда хорошо, что ты нас тренируешь, — сказала я.

— Хорошо, — согласился Шуша и вдруг поднялся с травы. — Тренировка номер два. Завтра. На рассвете. А сейчас — всем спать. Завтра нам ехать дальше, а после такого разговора мне нужно... помолчать.

И он, снова превратившись в кота, прыгнул на нижнюю ветку старой ивы, свернулся клубком и закрыл глаза. Но я заметила: прежде чем закрыть, он бросил короткий взгляд на Агафью. И в этом взгляде было что-то, чего я раньше не видела. Какой-то тёплый, почти нежный огонёк.

«Ох, — подумала я про себя, — кажется, у нас тут намечается ещё одна история». Но вслух ничего не сказала. Потому что устала. Потому что голова шла кругом. И потому что завтра — тренировка номер два.

А я до сих пор не знаю, как поднять камень без искр.

Глава 5. Тени на дороге, или Урок второй: «Не буди лихо, пока оно тихо»

Проснулась я от того, что в нос ударил запах. Сладкий, приторный, с нотками ванили и чего-то неуловимо знакомого. Я открыла глаза и увидела перед собой кружку.

— Сбитень? — прохрипела я, отшатываясь.

— Чай, — обиженно сказал Федька. — Нормальный чай. С мёдом. И травами. Я сам заварил!

Я недоверчиво принялась. Пахло действительно чаем. Без перца. Без хрена. Без адского пламени. Прогресс.

— А где Шуша с Агафьей?

— Там, — Федька махнул рукой куда-то в сторону ручья.

Я села, завернулась в плащ и выплянула из-под импровизированного навеса, который Федька соорудил из одеяла и двух палок. Утро было солнечное, туман уже рассеялся, и у ручья сидели двое. Шуша в человеческом облике мрачно смотрел на что-то в своей ладони. Агафья стояла рядом, руки в боки, и — о боги — отчитывала его. Демона седьмого круга. Как нерадивого ученика.

— ... и в следующий раз вы сначала спрашиваете, съедобный гриб или нет! Это же элементарные правила безопасности! А вдруг он ядовитый?

— Я демон, — глухо отозвался Шуша. — Я не могу отравиться грибом.

— А вдруг он волшебный? Превратились бы в лягушку — что тогда?

— Я демон седьмого круга. Я не превращаюсь в лягушек. Я превращаю в лягушек других.

— И всё равно нужно быть осторожнее!

Я подошла ближе, давась смехом. На ладони у Шуши лежал маленький, сморщенный гриб. Судя по следам зубов, демон попробовал его на вкус. И, судя по выражению его лица, гриб был невкусный.

— Что случилось? — спросила я.

— Я нашёл гриб, — доложил Шуша таким тоном, будто докладывал о смене династии.

— Решил попробовать. Агафья считает, что это было опрометчиво.

— Это было глупо! — уточнила Агафья.

— Господи, — я опустила на траву и захохотала. — Демон, который сжёт три города, чуть не отравился грибом. У нас будет самая эпичная книга в истории.

— Я не травился, — возразил Шуша. — Гриб оказался безвредным. Просто невкусным.

— И как он на вкус?

— Как носки, — мрачно ответил демон.

— Откуда ты знаешь вкус носков? — тут же встрял Федька, который подошёл следом за мной.

Шуша поднял на него взгляд, полный ледяного презрения.

— Я прожил тысячу лет. За это время случалось всякое. Закрыли тему.

Мы не закрыли. Мы ржали ещё минут пять. Агафья пыталась сохранять серьёзность, но в конце концов сдалась и тоже засмеялась. Шуша сидел с видом оскорблённой добродетели, но усы у него подрагивали — верный признак того, что он еле сдерживает смех.

— Ладно, — сказала я, когда мы наконец отсмеялись. — Тренировка номер два. Что будем делать? Поднимать камни? Запустить молнии?

Шуша оживился. Видимо, перспектива хоть как-то восстановить свой авторитет была слишком соблазнительной.

— Сегодня, — сказал он, поднимаясь с травы и отряхивая чёрное одеяние, — мы будем учиться чувствовать магию вокруг. Видеть скрытое. Понимать, что за чем стоит.

— Как вчера с камнем?

— Сложнее. Камень — это просто камень. А вокруг нас — сотни вещей, которые не то, чем кажутся. Например...

Он обвёл рукой поляну.

— Вот ручей. В нём есть магия?

Я прислушалась. Присмотрелась. Ручей журчал, перекатывая мелкие камешки, и... ничего особенного.

— Нет? — предположила я.

— Есть, — возразил Шуша. — Вода всегда немного магическая, особенно проточная. Если присмотреться, она светится.

Я присмотрелась. И правда — над водой висело лёгкое, едва заметное голубое свечение. Как будто кто-то растворил в ручье щепотку лунного света.

— Вижу! — обрадовалась я. — Голубое!

— Отлично. А теперь посмотри на Федьку.

Я перевела взгляд на нашего конюха. Тот стоял, скрестив руки, и смотрел на меня с выражением «ну давай, удиви меня».

— Тёмно-зелёный, — сказала я. — Как мох.

— Интересно, — пробормотал Шуша. — А теперь на Агафью.

Агафья сидела на бревне и снова чистила кинжал. От неё исходило серебристое свечение. Спокойное. Ровное. Красивое.

— Серебро, — сказала я. — У Агафьи серебро.

— А у меня? — спросил Шуша.

Я повернулась к нему. И замерла.

От Шуши шло пламя. Алое и золотое, мощное, живое, оно переливалось, дышало, пульсировало в такт его дыханию. А внутри пламени, в самой сердцевине, мерцала крошечная серебряная искра. Такая же, как у Агафьи.

— У тебя огонь, — сказала я. — И серебро внутри.

— Что? — Шуша нахмурился. — Серебро?

— Да. Маленькое. Но есть.

Повисла пауза. Шуша смотрел на меня, потом на Агафью, потом снова на меня.

— Это называется связь, — сказал он наконец. — Ты видишь связи между людьми. И не только людьми. Это очень редкий дар, Вика. Им обладают единицы. Обычно он проявляется у... — он запнулся.

— У кого?

— У тех, кто умеет любить, — тихо ответил Шуша.

Я замерла. Агафья замерла. Даже Федька перестал жевать травинку.

— То есть я вижу любовь? — переспросила я.

— Не совсем. Скорее, глубокую эмоциональную связь. Привязанность. Заботу. Готовность защищать. То, что связывает людей сильнее любой магии.

Я перевела взгляд с Шуши на Агафью. С Агафьи на Шушу. Искра в его пламени была крошечной, но очень чёткой. И Агафья, сама того не зная, светилась тем же серебром.

— Ого, — сказала я. — Кажется, я знаю, кто кому нравится.

— Вика! — рявкнул Шуша, и его уши стали пунцовыми.

— Я ничего не говорила! — я подняла руки в жесте «сдаюсь». — Просто интересное наблюдение. Чисто научное.

— Научное? — Шуша скрестил руки на груди. — Ты только что использовала редчайший магический дар для того, чтобы выяснить, кто с кем...

— Дружит? — невинно подсказала я.

— Вика!

Агафья, которая всё это время молча слушала, вдруг тихо рассмеялась.

— Господин Шуша, — сказала она, — у вас уши красные.

— Ничего у меня не красные!

— Красные-красные. Как свёкла.

— Я демон седьмого круга! У меня не может быть ушей как свёкла!

— Может, — подтвердила Агафья, и в её глазах плясали весёлые искорки. — Я час назад видела, как вы гриб жевали, а теперь у вас уши красные. Привыкайте.

Шуша открыл рот. Закрыл. Беспомощно посмотрел на меня, ища поддержки. Я сделала вид, что очень занята изучением ручья.

— Светится, да, — подтвердила я в пространство. — Голубенькое. Красивое.

— Предатели, — констатировал Шуша. — Вы все предатели. Я окружён предателями. И грибами.

— И смущёнными демонами! — добавил Федька.

— Всё, — Шуша развернулся и зашагал к лошадям. — Собираем лагерь. Выезжаем немедленно. Пока я ещё кого-нибудь не прибил.

— Кого — «кого-нибудь»? — уточнила я.

— Всех, — донёсся ответ. — Особенно конюхов. И магов-недоучек.

— А девиц с ножами? — спросила Агафья.

Шуша запнулся.

— Девиц с ножами — в последнюю очередь, — буркнул он и полез на лошадь.

Мы переглянулись и дружно заржали. Даже Агафья уже не сдерживалась, смеясь в голос, а Федька утирал выступившие слёзы.

— Господи, — выдохнула я, пытаясь отдышаться, — и почему в моей прошлой жизни не было таких утр?

— Потому что в твоей прошлой жизни не было демонов, которые едят грибы, — резонно заметил Федька.

— И краснеют ушами, — добавила Агафья.

— И грозят всех прибить, но при этом пьют чай из кружки, — подытожила я. — Ладно, поехали. До столицы ещё топтать и топтать.

И мы поехали дальше, по направлению к трактиру «Старая мельница», где нас, по уверениям Шуши, ждали нормальные кровати, горячий ужин и, возможно, какие-нибудь неожиданные знакомства.

Глава 6. «Старая мельница», или Урок третий: «Никогда не спорь с девицей, у которой арбалет»

До «Старой мельницы» мы добрались уже затемно. И, честно говоря, этот трактир выглядел совсем не так, как «Три ржавых подковы». Никаких тебе покосившихся вывесок и просевших крылец. «Мельница» оказалась двухэтажным каменным зданием, которое и правда когда-то было водяной мельницей — огромное деревянное колесо до сих пор лениво вращалось в свете факелов, разбрызгивая сверкающие капли. В окнах горел тёплый оранжевый свет, из трубы валил густой белый дым, а запах... Клянусь, пахло жареным гусем. И, кажется, пирогом с яблоками.

— Вот это сервис, — пробормотал Федька, спрыгивая с лошади и с наслаждением разминая затёкшую спину. — Никаких тебе разбойников у входа. Даже скучно.

— Не накаркай, — отозвалась Агафья, поправляя платок, но в голосе её слышался не испуг, а скорее привычная настороженность.

Шуша, который последние два часа ехал в седельной сумке, притворяясь спящим котом, выбрался наружу и втянул носом воздух. Его зелёные глаза блеснули в темноте.

— Пахнет вкусно, — признал он, спрыгивая на землю и плавно перетекая в человеческую форму. — И тихо. Слишком тихо. Мне это не нравится.

— Тебе никогда ничего не нравится, — заметила я, спешиваясь (на удивление ловко, между прочим! Видимо, тело княжича наконец-то начинало вспоминать, что оно мужское и вполне себе спортивное).

— Мне нравится тишина, когда она не такая... красноречивая.

Мы переглянулись, но спорить не стали. Демон седьмого круга, как известно, видит на пару слоёв реальности глубже нас, смертных. Поэтому мы просто молча поднялись на крыльцо и вошли внутрь.

В общем зале было тепло, шумно и, к счастью, абсолютно обычно. Несколько купцов в углу играли в кости, пара наёмников дремала у камина, а здоровенная тётка с поварёшкой в руке разносила подносы с ужином. Пахло всё тем же гусем, а ещё хмелем и свежим хлебом.

— О! — обрадовался Федька, протискиваясь к стойке. — У вас тут прямо...

— Не «у нас», — перебил его скрипучий голос.

Я обернулась. За стойкой стоял не хозяин, а... девица. Да ещё какая. Высокая, широкоплечая, с парой длинных рыжих кос, уложенных короной вокруг головы, в простом, но явно дорогом тёмно-зелёном платье и... с арбалетом в руках. Она аккуратно, даже с какой-то нежностью, протирала его ложе тряпицей.

— То есть, простите, — сказала я, выходя вперёд и стараясь, чтобы бас не дрогнул. — А где же хозяин?

— Хозяин, — девица подняла на нас ярко-карие, почти янтарные глаза и смерила меня оценивающим взглядом, от которого сразу захотелось встать смиренно и проверить, на месте ли штаны, — спит. У него мигрень. Я за него. Ингрид.

— А... — я запнулась. — Вы его дочь?

— Племянница. Приехала из столицы погостить. И заодно присмотреть за порядком. — Она кивнула куда-то в угол, и только тут я заметила, что в углу, связанный по рукам и ногам, сидит какой-то мужик с разбитой губой и заткнутым ртом. — Вон тот господин пытался расплатиться фальшивыми монетами. Больше не пытается.

Федька нервно сглотнул. Шуша, наоборот, как-то заинтересованно хмыкнул, разглядывая девицу. Агафья же, без малейшего страха, подошла к стойке и, глядя прямо в глаза Ингрид, произнесла:

— Нам нужен ужин. И комнаты. Четыре.

— Три, — поправил Шуша.

— Четыре, — отрезала Агафья, даже не обернувшись. — Господин Шуша, вы ночью храпите, когда в кошачьей форме. Мяукаете. А мне нужно выспаться.

Шуша открыл рот. Закрыл. Кончики его ушей стремительно покраснели. Федька подавился смешком. Я же смотрела на эту картину и понимала: Агафья больше не та тихая мышка, которую мы когда-то забрали из дома её отца. Она стала... Ну, той самой женщиной, которая сначала подаёт вам вилку, а потом припиливает вас же к стулу кинжалом, если вы не умеете ею пользоваться. И наблюдать за этим было одно удовольствие.

Ингрид вдруг улыбнулась — широко, открыто, совсем по-мальчишески.

— Мне нравится эта девица, — сказала она, кивая на Агафью. — И ты, парень, — она перевела взгляд на меня и вдруг прищурилась. — Интересный ты какой-то. Басишь, а взгляд женский. И магией от тебя фонит так, что у меня арбалет вибрирует.

Я чуть не поперхнулась воздухом. Шуша мгновенно шагнул вперёд, закрывая меня собой.

— Ты — охотница, — сказал он негромко. — Я чувствую железо. И старую кровь.

— А ты — демон, — парировала Ингрид, ничуть не испугавшись. — Я чувствую огонь. И кошачью шерсть. Ну и что? Здесь, — она обвела рукой зал, — всем плевать, кто ты. Лишь бы платили и не буянили. Так что расслабься, котик. И присаживайтесь. Сейчас принесу ужин.

Она убрала арбалет под стойку, подхватила поднос и двинулась к кухне. Уже у дверей она обернулась и добавила, обращаясь почему-то к Агафье:

— И да, если твой демон попробует сжечь тут что-нибудь, я вычту из вашего счёта. За каждую подпалину — плюс золотой.

Шуша только зубами скрипнул. Но промолчал. Что было, наверное, самым мудрым решением за весь день.

Мы заняли стол у окна. Федька тут же принялся изучать меню, написанное мелом на доске, а Агафья с Шушей сели рядом, и, кажется, между ними происходил какой-то безмолвный диалог. Я не прислушивалась. Мои мысли были заняты другим.

Ингрид. Столичная племянница с арбалетом наперевес и взглядом, который видит больше, чем говорит. Она появилась в этом трактире именно сейчас. Случайно? Я покосилась на Шушу — тот смотрел на Ингрид с таким же подозрением, с каким обычно разглядывал новую еду. Кажется, мы оба подумали об одном и том же: в нашей жизни случайностей уже давно не бывает. Судьба, похоже, взяла за правило подкидывать нам колоритных персонажей с той же регулярностью, с какой Федька теряет подковы. И если это правило не нарушится, то к концу путешествия у нас соберётся целая армия. По крайней мере, скучно точно не будет.

— О чём задумалась? — спросила Агафья, пододвигая ко мне кружку с травяным чаем. (Ура! Никакого сбитня!)

— О том, что у нас очень интересная компания, — честно ответила я. — Демон, попаданка, боевая невеста, конюх-философ, сереброглазый наймит, а теперь ещё и девица с арбалетом, которая не боится ни первого, ни второго. Надеюсь, она не захочет нас убить.

— Не захочет, — неожиданно успокоил Шуша, приносиваясь к своей кружке. — Она заинтересована. Это хуже.

— Почему?

— Потому что убить — это просто. А заинтересованность означает, что она будет лезть в наши дела, задавать вопросы и, чего доброго, предложит помощь. А плата за такую помощь, — он отхлебнул и поморщился (чай был недостаточно горячим для его вкуса), — может быть самой неожиданной.

Словно в ответ на его слова, дверь кухни распахнулась, и появилась Ингрид с огромным подносом, уставленным тарелками с дымящимся гусём, хлебом и той самой яблочной шарлоткой. Она ловко расставила всё на столе, а потом, уперев руки в боки, оглядела нас.

— Значит так, — сказала она тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Я тут присмотрелась. И поняла, что вы — самая странная компания, которая появлялась в этих краях за последние полгода. А значит, с вами будет весело.

— Мы не ищем приключений, — быстро сказала я.

— А приключения и не спрашивают, — отмахнулась Ингрид. — Короче. Завтра я возвращаюсь в столицу. Одна ехать скучно, а с вами, я так понимаю, будет не скучно. Предлагаю объединиться. Я — в качестве охраны и проводника. Вы — в качестве источника развлечений. Идёт?

Шуша с Агафьей переглянулись. Я подумала о загадочных врагах, которые охотятся на магов. О том, что нам нужен кто-то, кто знает столицу. О том, что девица с арбалетом, которая не боится демонов, — это, пожалуй, именно то, чего нам не хватало.

— Идёт, — сказала я. — Но с одним условием.

— Каким?

— Вы не будете стрелять в моих друзей. Даже если Шуша попробует украсть ваш арбалет.

— Он не попробует, — спокойно сказала Ингрид, глядя на демона. — Потому что он умный котик.

Ингрид весело фыркнула:

— Добро пожаловать в команду, мелкая. Ну и в компашку вы попали, ребята. С демоном, барышней-переростком в мужском теле и Федькой. Чую, в столице мы наделаем шуму!

И я вдруг поняла, что да. Мы действительно можем наделать шуму. Потому что нас уже пятеро — и это ещё не предел. До столицы оставался день пути. А это значило, что самое интересное только начинается.

Утро в «Старой мельнице» началось не с кофе. И не с чая. И даже не с нравоучений Агафьи, к которым я, честно говоря, уже почти привыкла. Утро началось с того, что Федька прибежал в общий зал с лицом человека, который только что увидел призрака, и выпалил:

— Там эта... рыжая... она вашего демона расстреливает!

Я подавилась хлебом. Агафья уронила ложку в кашу. Тишина в зале стала такой глубокой, что было слышно, как за окном водяное колесо со скрипом проворачивается на пол-оборота.

— Федька, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие (получалось плохо), — уточни, пожалуйста. «Расстреливает» — это в прямом смысле? Из арбалета? Болтами?

— Ну да! — Федька активно закивал. — Я пошёл лошадей проведать, а там, на заднем дворе, эта... Ингрид. И ваш Шуша. И она в него целится. А он стоит и смотрит на неё, как на мышшь.

— Как на мышшь? — переспросила Агафья, и бровь её поползла вверх. — Господин Шуша?

— Именно! С таким выражением, знаете, будто она сейчас не выстрелит, а просто чай предложит.

Мы с Агафьей переглянулись, синхронно встали из-за стола и, не сговариваясь, быстрым шагом направились к заднему выходу. Я на ходу пыталась представить, что могло заставить демона седьмого круга стоять под прицелом и ухмыляться. Вариантов было два: либо Ингрид его загипнотизировала, либо... Либо ему это нравилось. И то, и другое звучало одинаково тревожно.

Задний двор «Старой мельницы» был обнесён невысоким каменным забором, за которым шумели старые липы. У стены сарая, шагах в тридцати от цели, стояла Ингрид — в том же тёмно-зелёном платье, но теперь без рукавов (и откуда у неё такие мышцы?!), с арбалетом,

вскинутым к плечу. Рыжие косы были убраны под простой кожаный ободок. А напротив неё, прислонившись спиной к стволу старой липы, стоял Шуша. В человеческом обличье. Сложив руки на груди. И действительно смотрел на неё с тем самым выражением, которое Федька описал как «на мышь». Только мышь, наверное, была бы уже испелена одним этим взглядом.

— Доброе утро! — крикнула я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Мы не помешали?

— Ничуть! — радостно отозвалась Ингрид, даже не обернувшись. — Мы тут просто заключаем пари.

— Пари? — переспросила Агафья, и её голос прозвучал подозрительно. — Какое именно?

— Я утверждаю, — Ингрид чуть довернула арбалет, ловя солнечный блик на наконечнике болта, — что смогу попасть в яблоко у него на голове. А он утверждает, что я промахнусь.

Я перевела взгляд на Шушу. На голове у демона действительно лежало яблоко. Красное, блестящее, явно только что с дерева. Оно чуть покачивалось на его чёрных волосах, придавая всей картине оттенок сюрреализма.

— Шуша, — произнесла я медленно, — а ты уверен, что это хорошая идея? Ты, конечно, демон, но...

— Я уверен, — перебил меня Шуша с ледяным спокойствием, — что это дурацкая идея. Но я также уверен, что не могу отказаться от вызова. Это вопрос чести.

— Чести? — уточнила Агафья. — Или упрямства?

— Это одно и то же.

Ингрид хмыкнула и, прежде чем кто-то из нас успел что-то возразить, нажала на спуск.

Тетива звонко щёлкнула. Болт сорвался, со свистом рассёк утренний воздух и... пролетел в сантиметре от яблока, вонзившись в ствол липы где-то на уровне демонского уха. Яблоко даже не шелохнулось.

Шуша даже не моргнул. Только уголок его губ дрогнул в самой самодовольной улыбке, которую я когда-либо видела на лице человека... или демона.

— Мимо, — констатировал он тоном превосходства.

Ингрид нахмурилась, опуская арбалет. На её лице отразилась целая гамма чувств: от удивления до досады и — что самое интересное — плохо скрываемого восхищения.

— Потрясающе, — пробормотала она. — Ты даже не дёрнулся. Ни один мускул. Обычно люди хотя бы зажмуриваются.

— Я не человек, — напомнил Шуша, снимая яблоко с головы и элегантно надкусывая его. Раздался громкий, сочный хруст. — И правило чести выполнено. Ты стреляла — я не двигался. Пари за мной.

— Ладно, котик, — Ингрид неожиданно широко улыбнулась и закинула арбалет на плечо. — Твоя взяла на этот раз. Но реванш! Я требую реванша. После завтрака. Без яблок.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Шуша и, повернувшись к нам, добавил совсем другим тоном, в котором послышалась плохо скрываемая забота: — А вы чего встали? Идите доедать. Каша стынет.

— Я уже всё съела, — сказала Агафья, и взгляд её стального цвета пригвоздил демона к липе не хуже арбалетного болта. — И я всё видела. Господин Шуша, вы рисковали своей головой.

— Риск был минимален, — отозвался Шуша, надкусывая яблоко ещё раз. — Я чувствую полёт стрелы. И болта. И даже мухи, если она летит достаточно быстро. Это врождённое.

— И давно вы это умеете?

— Лет восемьсот, — небрежно бросил демон. — Плюс-минус пара десятилетий.

Ингрид, которая до этого с интересом прислушивалась к разговору, вдруг замерла.

— Восемьсот? — переспросила она, и её янтарные глаза округлились. — Так ты не просто демон. Ты... древний демон.

— Оскорбление или комплимент? — осведомился Шуша, приподняв бровь.

— Пока не решила. — Ингрид прищурилась, и на её лице появилось то самое выражение, которое я бы назвала «охотничьим». — Но знаешь, котик, ты становишься всё интереснее.

Шуша поперхнулся яблоком. Агафья, стоявшая рядом, издала странный звук — не то фырканье, не то сдавленный смешок. Федька, который до этого момента тактично делал вид, что чинит седло, вдруг хрюкнул от смеха, зажимая рот рукой.

— Идёмте завтракать, — быстро сказала я, чувствуя, что ещё немного, и наш демон либо провалится сквозь землю, либо превратит всех нас в лягушек. — Ингрид, вы с нами?

— Обязательно, — отозвалась та, подхватывая арбалет. — Мне нужно обсудить с вами дорогу. И заодно... — она покосилась на Шушу, который всё ещё сжимал в руке недоеденное яблоко с таким видом, будто это была его последняя надежда, — заодно узнать, что ещё умеет этот ваш пушистый.

Минут через десять мы уже сидели в общем зале за большим столом. Ингрид, как и обещала, принесла добавку: пирог с капустой, копчёную колбасу и огромный кувшин с клюквенным морсом. Агафья вернулась к своей каше, но то и дело бросала короткие взгляды то на Шушу, то на Ингрид. Федька уплетал колбасу за обе щеки, делая вид, что его тут вообще нет (мудрая тактика). А я, намазывая масло на кусок свежего хлеба, пыталась понять, как мы вообще дошли до жизни такой.

— Значит так, — начала Ингрид, когда первый голод был утолён. — До столицы отсюда примерно день пути, если выехать сейчас и не застревать в оврагах. Но есть нюанс.

— Какой? — спросила я, чувствуя, что вот сейчас начнётся то самое, о чём предупреждал Шуша.

— Дорога идёт через Холодный овраг. Место нехорошее. Там, говорят, пошаливают. Не разбойники — местные бы не стали, — а что-то другое. Какая-то тварь завелась. Скот пропадает, пастухи боятся туда ходить. И ещё, — она помолчала, — там магия странная. Фонит.

— В смысле — фонит? — переспросила я осторожно.

— В прямом. Я, конечно, не маг, но артефакты чувствую. А там что-то есть. Старое. И злое.

Шуша, до этого молча изучавший пирог, поднял взгляд. В его зелёных глазах промелькнуло что-то нечитаемое — не тревога, нет, скорее узнавание.

— Холодный овраг, — произнёс он медленно. — Я слышал о нём. Давно. Там была битва. Около трёхсот лет назад.

— Что за битва? — спросила я, чувствуя, как привычный холодок предчувствия пробегает по спине. Тот самый холодок, который обычно предвещал начало больших неприятностей. Или большого веселья. В нашем случае — обычно и того, и другого одновременно.

— Магическая, — коротко ответил Шуша. — И там осталось эхо. Старые заклинания, впитавшиеся в землю. Они могут влиять на всё живое. И неживое.

— Значит, нам нужно через этот овраг проехать, — подвела итог Агафья. Она отодвинула тарелку и теперь смотрела на Ингрид с тем самым стальным блеском в глазах, который я успела полюбить. — И желательно не умереть.

— Именно! — жизнерадостно подтвердила Ингрид. — Поэтому я и предлагаю поехать вместе. У меня арбалет, у вас маг и демон. И, — она кивнула на Агафью, — эта девица с кинжалом. Кажется, она одна стоит целого отряда.

Агафья чуть зарделась, но взгляда не отвела. Шуша, напротив, посмотрел на Ингрид с ещё большим подозрением, чем раньше (что, учитывая недавнюю сцену с яблоком, казалось почти невозможным).

— И всё же я не понимаю, — произнёс он ледяным тоном, — зачем тебе помогать нам? Ты нас не знаешь. Ты понятия не имеешь, кто мы и что нам нужно в столице. И при этом предлагаешь ехать вместе через опасный овраг. Почему?

Ингрид откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Её янтарные глаза блеснули в свете утреннего солнца, падавшего из окна.

— Хорошо, — сказала она уже совсем другим тоном — без тени насмешки, серьёзно и даже немного устало. — Я скажу правду. Мне нужно вернуться в столицу до конца недели. У меня там... дела семейные. Дядюшка стар и болен, а мельница, сама видишь, держится только на мне и ещё паре слуг. Если я не вернусь вовремя с бумагами из гильдии, у нас отберут лицензию. А ехать одной через Холодный овраг я не рискну — не потому, что боюсь, а потому, что одной лошади не вытянуть, если что. Арбалет-то хорош, но против старой магии он бесполезен. А вы... — она обвела нас взглядом, — вы сильные. Даже если сами этого ещё не поняли. Мне нужна ваша помощь. А вам, судя по тому, как от тебя фонит магией, — она посмотрела на меня, — понадобится моя.

За столом повисла тишина. Я переваривала услышанное. С одной стороны, всё логично: мы защищаем её в пути, она показывает нам дорогу и объясняет, что к чему в столице. С другой... В моём мире, в айти, это называлось «win-win». А в мире боярок это обычно означало, что в овраге нас будет ждать не одна тварь, а целых три, плюс чей-нибудь проклятый дух и засада от тайного ордена.

Но время решений пришло. Я переглянулась с Агафьей. Та чуть заметно кивнула. Перевела взгляд на Шушу. Он не кивнул, но и возражать не стал, а это для него уже было почти согласием.

— Договорились, — сказала я, вставая и протягивая Ингрид руку. — Выезжаем через час. И да, Ингрид...

— Что?

— Если вы ещё раз выстрелите в Шушу, я не обещаю, что он не превратит ваш арбалет в тыкву. У него это... профессиональное.

Ингрид вдруг расхохоталась — громко, открыто, совсем как вчера. И от этого смеха даже хмурое утро за окном показалось чуточку светлее.

— Договорились, княжич-девица! — ответила она, крепко пожимая мою ладонь. — Через час у конюшни. И не забудьте своего котика. Он сегодня в ударе.

Шуша, не поворачивая головы, адресовал ей долгий, полный ледяного величия взгляд, но промолчал. Только кончик его хвоста, который он опять отрастил в напоминание самому себе о собственной сущности, раздражённо дёрнулся.

Час пролетел как одно мгновение. Мы собрали вещи, расплатились с Ингрид (она, кстати, вычла из счёта стоимость того самого болта, который остался в липе, — «это производственные расходы»), и вышли во двор. Утро окончательно вступило в свои права, солнце уже поднялось над зубчатой стеной леса, обещая погожий денёк.

Наш отряд теперь выглядел так: впереди ехала Ингрид на коренастой гнедой лошади, держа арбалет поперёк седла, а на её седельной сумке с царственным видом восседал огромный чёрный кот — Шуша, который то ли согласился составить ей компанию, то ли просто решил, что с этого ракурса лучше видно дорогу и всех остальных. Чуть позади — я, пытаюсь не слишком трястись и вспоминать, чему учил Шуша; рядом Агафья с прямой спиной и кинжалом на поясе; за ней — Федька, который что-то насвистывал себе под нос и, кажется, подсчитывал оставшиеся подковы. Замыкала процессию наша вторая лошадь с поклажей, которой никто не управлял, но она и сама знала дорогу — кажется, лучше всех нас вместе взятых.

— Знаешь, — тихо сказала мне Агафья, поравнявшись со мной, — мне кажется, она ему нравится.

— Кто? Ингрид?

— Да. — Агафья чуть улыбнулась. — В том же смысле, в каком нравится острая кость под языком. Больно, а выплюнуть жалко.

Я прыснула. Шуша, сидевший впереди, повернул голову и посмотрел на нас долгим, подозрительным взглядом, но ничего не сказал. Только кончик его хвоста снова раздражённо дёрнулся.

А впереди уже темнел край Холодного оврага — глубокой, заросшей тёмным ельником расщелины, из которой даже в этот солнечный день тянуло промозглой сыростью. Где-то там, в глубине, по словам Ингрид, пряталось нечто. И оно, судя по всему, ждало именно нас.

Я вдохнула поглубже и поправила свой перочинный ножик в сапоге. Кажется, скучать нам не придётся, совсем.

Глава 7. Холодный овраг, или Урок четвёртый: «Не кормите тварей с рук»

До Холодного оврага мы добрались часам к десяти утра. Солнце уже стояло высоко, но чем ближе мы подъезжали к расщелине, тем холоднее становился воздух. Это был не обычный утренний холодок, а какая-то промозглая, липкая сырость, которая забиралась под плащ и неприятно щекотала позвоночник. Лошади начали всхрапывать и коситься на тёмные ели, обступившие дорогу, а Федька, ехавший впереди, вдруг натянул поводья и тревожно принялся.

— Чуете? — спросил он шёпотом, хотя нас никто не мог услышать, кроме своих.

— Чую, — отозвалась Ингрид, снимая арбалет с плеча. — Пахнет старой кровью. И магией.

— Пахнет как в подвале у одного некроманта, с которым я когда-то имел дело, — лениво добавил Шуша. Он снова сидел в седельной сумке Ингрид, но на этот раз не дремал: его зелёные глаза были широко открыты и напряжённо всматривались в сгущающийся сумрак. — Очень плохого некроманта. Который не убирал за своими экспериментами.

— Спасибо, Шуша, очень вдохновляющее описание, — буркнула я.

— Я старался, — отозвался кот.

Овраг открылся перед нами внезапно. Дорога резко уходила вниз, петляя между замшелыми валунами и корявыми корнями, и исчезала где-то в белёсом тумане, который клубился на дне, не разгоняемый даже солнечным светом. Ели стояли так плотно, что их ветви смыкались над головой, образуя мрачный свод. И тишина... Тишина была такой глубокой, что звон в ушах казался громче.

— Ничего себе местечко, — прошептал Федька. — Прямо как в тех историях, что бродячие сказители травят. Помните? Про невесту, что в овраге сгинула, а потом ещё триста лет женихов пугала.

— Не напоминай про невест, — вздрогнула я. — Если мы тут встретим чью-то сбежавшую свадьбу, я разворачиваю лошадь и уезжаю обратно.

— Сбежавшая свадьба — это было бы даже забавно, — задумчиво произнёс Шуша.

— Господин Шуша! — возмутилась Агафья.

— В смысле — тактический хаос в рядах противника, — быстро поправился демон. — Я чисто стратегически.

— Угу, — Ингрид хмыкнула, заряжая арбалет. — Так я тебе и поверила.

Мы начали спускаться. Лошади шли медленно, осторожно переставляя ноги и тревожно прядая ушами. Я старалась держаться ближе к Агафье, которая, как ни странно, выглядела самой спокойной из нас. Её кинжал был наготове, но лицо оставалось безмятежным.

— Ты не боишься? — спросила я тихо.

— Боюсь, — так же тихо ответила она. — Но я устала бояться и ничего не делать. Лучше бояться и делать.

— Золотые слова, — одобрила Ингрид, оборачиваясь. — Запомню. Буду цитировать.

Где-то в глубине оврага раздался странный звук — не то вой, не то скрип, не то... чавканье? Мы замерли. Шуша спрыгнул с сумки и в два мягких прыжка оказался на большом валуне впереди. Его кошачий силуэт чётко вырисовывался на фоне тумана.

— Там что-то есть, — сообщил он мысленно. — Живое. И очень голодное.

— Может, объедем? — с надеждой предложил Федька.

— Не получится. — Ингрид покачала головой. — Овраг один. Другой дороги нет.

— Отлично, — вздохнула я и, вспомнив уроки Шуши, постаралась сконцентрироваться на кончиках пальцев. Пара золотых искр послушно замерцала. — Тогда план такой: если оно нападёт, я поджигаю его, Шуша отвлекает, Ингрид стреляет, а Агафья...

— Режет, — спокойно закончила Агафья, и я снова порадовалась, что эта девушка на нашей стороне.

— А я? — возмутился Федька.

— А ты держишь лошадей и молишься.

— Понял. Принято.

Туман впереди зашевелился, и из него выступило нечто.

Оно было... лохматым. Огромным, размером с корову, но с короткими кривыми лапами, мохнатой серо-бурой шерстью, свисающей космами до земли, и круглой мордой с двумя парами глаз — большими, жёлтыми, светящимися в полумраке. Существо тяжело дышало, раздувая бока, и издавало тот самый чавкающий звук, который мы слышали раньше.

— Это что, гигантская моль? — прошептал Федька.

— Это болотный моховик, — ответил Шуша, и в его голосе прозвучало... удивление? — Но они вымерли триста лет назад.

— Видимо, этот не вымер, — резюмировала Ингрид, вскидывая арбалет.

— Подожди! — Шуша вдруг поднял лапу. — Не стреляй.

— Почему?!

— Потому что они не агрессивные. Они едят мох. И грибы. И... — демон принюхался, — кажется, он просто хочет есть.

Моховик сделал шаг вперёд, и теперь мы могли рассмотреть его получше. Вид у него был, прямо скажем, жалкий: шерсть свалаялась колтунами, рёбра выпирали сквозь косматую шкуру, а в четырёх глазах застыло выражение вселенской грусти и голода. Он жалобно заурчал, как огромный котёнок, и уставился на нас.

— Ой, бедненький, — неожиданно вырвалось у Агафьи. И, прежде чем кто-то успел её остановить, она прыгнула с лошади и шагнула вперёд.

— Агафья! — хором закричали мы.

Но было поздно. Девушка уже стояла перед моховиком, который нависал над ней как мохнатая гора. Она смотрела на него снизу вверх, а он на неё — сверху вниз. Потом она медленно, очень осторожно, сунула руку в свой узелок и вытащила оттуда пригоршню сушёных яблок.

— Будешь? — спросила она.

Моховик моргнул всеми четырьмя глазами. Потом наклонил огромную голову и, вытянув длинный, как у муравьеда, язык, аккуратно слизнул угощение с её ладони. По его телу прошла дрожь удовольствия. Он снова заурчал — на этот раз громче и радостнее.

— О боги, — прошептал Федька. — Она и его приручила. Сначала демона, потом нас, а теперь ещё и доисторическую моль.

— Я не приручалась! — возмутилась я шёпотом.

— И я не приручался, — буркнул Шуша. — Я просто...

— Просто что?

— Просто яблоки были вкусные.

Моховик тем временем, получив добавку (Агафья высыпала ему весь запас), довольно засопел и лёг поперёк дороги, положив голову на передние лапы.

— Он нас пропускает, — сказала Агафья, оборачиваясь к нам с лёгкой улыбкой. — Только просит, чтобы мы не шумели. У него мигрень.

— Ты понимаешь его? — изумилась Ингрид.

— Не совсем. Просто догадываюсь.

Мы тихо, гуськом, объехали моховика. Тот проводил нас взглядом всех четырёх глаз и, кажется, даже подмигнул Агафье. Когда мы выбрались на другую сторону оврага, солнце снова ударило в лицо, туман рассеялся, и мир снова стал ярким и тёплым.

— Ну, — резюмировала Ингрид, убирая арбалет в чехол, — никогда ещё не видела, чтобы древнее чудище задобрили сухофруктами.

— Это Агафья, — сказал Шуша, и в его голосе прозвучало что-то, очень похожее на гордость. — Она кого угодно задобрит. Даже меня.

Агафья чуть покраснела и поправила платок, но улыбка её стала шире.

— До столицы осталось полдня пути, — сообщила Ингрид, сверившись с картой. — Если поспешим, к вечеру будем у ворот.

— Тогда поспешим, — сказала я и первой пустила лошадь рысью.

Впереди ждала столица. С её башнями, академиями, загадочными нанимателями и, возможно, врагами. Но после того, как мы подружились с голодной мохнатой тварью, мне казалось, что нам всё по плечу. Даже если Шуша снова попытается съесть гриб. Даже если Ингрид опять вызовет его на дуэль. Даже если мои штаны опять окажутся задом наперёд.

Потому что нас пятеро. И мы — команда. Странная, нелепая, невозможная. Но — команда.

Солнце уже перевалило за полдень, когда мы наконец выбрались из Холодного оврага на открытую местность. Как будто занавес раздвинулся: мрачные ели расступились, уступая место золотистым полям, а воздух снова стал тёплым и пахнущим разнотравьем. Лошади, почуввав свободу, пошли бодрее, даже Федькина кобыла перестала всхрапывать и перешла на резвую рысь.

— Никогда больше не поеду через этот овраг, — заявил Федька, оборачиваясь назад, где над деревьями ещё клубился туман. — Даже если меня будут пытаться сбить.

— А я бы вернулась, — задумчиво произнесла Агафья, поправляя узелок, из которого исчезли все сушёные яблоки. — Там остался моховик. Ему одиноко.

— Агафья, — Шуша, сидевший на сумке Ингрид, повернул голову и посмотрел на неё с непередаваемым выражением, — ты единственный человек, который способен пожалеть монстра, чуть не съевшего нас на завтрак.

— Он не собирался нас есть. Он просто был голоден.

— Я тоже часто голоден, но я же не перегораживаю дорогу путникам!

— Ты перегораживаешь, — тихо заметила Ингрид, не оборачиваясь. — Когда спишь поперёк коридора.

Шуша хотел возразить, но осёкся. Видимо, вспомнил утро в «Старой мельнице», когда его действительно нашли растянувшимся поперёк лестницы в кошачьем обличье. Кончики ушей предательски покраснели, и он демонстративно отвернулся.

Я усмехнулась и прикрыла глаза, подставляя лицо солнцу. В теле Дмитрия было одно неоспоримое преимущество: кожа у него была смуглая от природы, и мне не нужно было бояться обгореть. В своей прошлой жизни я вечно ходила с красным носом после первого же солнечного дня. А тут — красота. Хоть в чём-то повезло.

— До столицы осталось часа три, — сообщила Ингрид, сверившись с картой, которую она извлекла из-за голенища сапога (и когда только успела туда засунуть?). — Если не будем задерживаться, к закату увидим башни.

— А что там, в столице? — спросила я, чувствуя, как внутри зашевелилось любопытство пополам с тревогой. — Ну, кроме Академии, императорского дворца и, возможно, толпы разгневанных кредиторов моего рода?

Ингрид хмыкнула.

— Кредиторы — это вряд ли. А вот Академия — да. Ещё есть гильдия артефакторов, Старый рынок, где торгуют всяким магическим барахлом, и, конечно, Квартал Трёх Башен — это там, где обитают все мало-мальски значимые маги. Но я бы советовала начать не с них.

— А с чего?

— С еды, — безапелляционно заявил Федька. — В столице, говорят, пирожки с визигой — во! — он показал размер пирожка руками, чуть не выронив поводья. — И квас холодный. И медовуха.

— Ты думаешь только о еде, — вздохнула Агафья, но в её голосе не было осуждения.

— А о чём ещё думать? О демонах? О магии? О том, что наша княжна-княжич до сих пор искры из пальцев пускает через раз? — Федька философски пожал плечами. — Еда — она надёжнее.

— Вообще-то я уже не через раз! — возмутилась я и, поддавшись порыву, выбросила руку вперёд, пытаясь поджечь сухую ветку на обочине.

Из пальцев вырвался сноп золотых искр, ветка вспыхнула, как факел, и тут же погасла, оставив после себя тонкую струйку дыма. Лошадь подо мной недовольно фыркнула.

— Видишь? — гордо сказала я. — Уже не поджигаю всё подряд. Только то, что планировала.

— Ты планировала поджечь ветку? — уточнил Шуша.

— Да!

— А придорожный куст за веткой?

Я присмотрелась. Куст и правда дымился. Агафья, не говоря ни слова, сняла с пояса флягу с водой и залила тлеющие листья.

— Я планировала только ветку, — пробормотала я. — Куст — это случайно.

— «Случайно» — это второе имя твоей магии, — констатировал Шуша. — Первое — «ой».

— Зато прогресс, — вступилась Ингрид. — Раньше она вообще не могла ничего поджечь, кроме каши. А теперь — ветки, кусты... Глядишь, к вечеру научится разводиться костёр без дров.

— Спасибо за веру в меня, — буркнула я.

— Обращайся.

Мы ехали ещё около часа, когда дорога начала постепенно оживать. Сначала нам встретился одинокий возница с телегой, гружённой глиняными горшками, который долго и подозрительно нас разглядывал, но, заметив арбалет Ингрид, предпочёл не связываться. Потом — группа крестьян, которые шли пешком и несли на плечах корзины с какой-то зеленью. Они оказались словоохотливее: рассказали, что в столице нынче ярмарка, что на главной площади поставили качели, а ещё — что стража на воротах стала вдвое строже.

— Ищут кого-то, — сообщил один из крестьян, пожилой мужик с седыми усами. — То ли контрабандистов, то ли магов незаконных. Говорят, у них там амулет какой-то особый есть, который на магию реагирует. Так что, ежели кто с даром, — он покосился на нашу компанию, — лучше бы вам это... скрывать.

— Спасибо за предупреждение, — вежливо сказала я, стараясь, чтобы бас звучал уверенно.

Когда крестьяне отошли, мы переглянулись.

— Амулет, который реагирует на магию, — задумчиво произнёс Шуша. — Это плохо.

— Может, он на меня не среагирует? — с надеждой спросила я. — Ну, я же ещё не настоящий маг. Так, недоучка.

— Ты — ходячий генератор искр, Вика. Ещё как среагирует.

— И что делать?

— Есть один способ, — Шуша спрыгнул с сумки Ингрид и, не превращаясь в человека, остался в кошачьем облике, только теперь он выглядел как самый обычный чёрный кот. Даже

глаза перестали светиться. — Я могу накинуть на тебя морок. Он ненадолго скроет твой дар. Но тебе придётся вести себя... сдержанно.

— Сдержанно?

— Не пускать искры. Не поджигать кусты. Не пытаться поднять камни силой мысли. И, ради всего святого, не смотреть на стражников так, будто ты сейчас начнёшь колдовать.

— А как я смотрю?

— Как человек, который сейчас начнёт колдовать. У тебя это на лице написано.

— Ничего у меня не написано!

— Написано, — хором подтвердили Агафья, Федька и Ингрид.

Я обиженно замолчала, но про себя признала: возможно, они правы. В конце концов, когда я впервые попала в это тело, я даже штаны не могла надеть правильно. А теперь пытаюсь изображать из себя опытного аристократа. Неудивительно, что у меня на лице написано всё подряд.

— Ладно, — сдалась я. — Буду вести себя сдержанно. Обещаю.

— Отлично, — Шуша удовлетворённо кивнул. — Тогда до ворот — тренировка.

— Какая ещё тренировка?!

— На сдержанность. Будешь учиться не пускать искры, даже когда я тебя провоцирую.

— И как ты меня будешь провоцировать?

Шуша медленно, очень медленно растянул кошачьи губы в усмешке.

— Для начала — скажу, что твои штаны снова задом наперёд.

Я машинально опустила взгляд. Штаны были надеты правильно.

— Очень смешно.

— А ты уже чуть не пустила искру, — заметил Шуша. — Я видел. Кончики пальцев засветились.

— Ничего не засветились!

— Светились-светились, — подтвердила Ингрид, которая, оказывается, наблюдала за этой сценой с явным удовольствием. — Прямо как светлячки.

Я застонала. Эта дорога до столицы обещала быть самой долгой в моей жизни. Но, с другой стороны, думала я, глядя на удаляющиеся спины моих спутников — рыжую охотницу, тихую аристократку, вечно голодного конюха и язвительного демона в кошачьей шкуре, — по крайней мере, скучно мне точно не будет.

Где-то впереди, за холмами, уже показались первые очертания городских башен. Столица ждала. И, судя по всему, ждала она нас с распростёртыми объятиями. Или с цепями. Скоро узнаем.

Башни, которые мы видели с холмов, оказались ещё дальше, чем я думала. Знаете это чувство, когда вроде бы уже вот он, город, рукой подать, а ты едешь ещё час, и ещё час, и он всё не приближается? Примерно так мы и тащились последние вёрсты, и когда наконец впереди показались городские ворота — настоящие, каменные, с двумя круглыми башнями по бокам и железной решёткой, — я была готова расцеловать мостовую. — Не спеши радоваться, — тихо сказал Шуша, по-прежнему сидевший в обличье обычного чёрного кота. — Видишь арку? Я присмотрелась. Над воротами, прямо в каменной кладке, виднелся небольшой амулет — тускло-синий кристалл в медной оправе. Он едва заметно пульсировал, как будто дышал. — Это он? — спросила я. — Он. Детектор магии. Сейчас он настроен на пассивный режим — просто фиксирует проходящих магов. Если ты не будешь колдовать, он не среагирует. Морок я уже наложил. — А если я случайно? — Не случайно, — отрезал Шуша. — Просто не колдуй. — Легко сказать... Очередь у ворот была небольшая: пара телег с товаром, несколько пеших крестьян и какой-то тощий торговец с клеткой, в которой сидела облезлая курица. Стража — двое дюжих мужиков в кожаных доспехах и один писец с восковой табличкой — лениво проверяли

документы и взымали плату за въезд.— Кто такие? — спросил один из стражников, когда подошла наша очередь.— Волконские, — ответила я, стараясь, чтобы бас звучал солидно. — Княжич Дмитрий, наследник рода. Со мной мои спутники. Стражник поднял бровь, оглядел нашу разношёрстную компанию и, кажется, мысленно поставил галочку напротив «странные». Но вслух ничего не сказал, только кивнул на арку:— Проезжайте. С вас пять медяков за каждого, за лошадой — по два. Я полезла за кошельком, молясь про себя, чтобы пальцы не засветились. Шуша на сумке Ингрид замер, как статуя, даже хвостом не шевелил. Ингрид с невинным видом поправила арбалет (стражник покосился, но промолчал — видимо, девицы с оружием здесь не были редкостью). Агафья проехала под аркой, даже не взглянув на амулет. Федька, наоборот, уставился на кристалл с таким любопытством, что чуть не врезался в столб.— Всё чисто, — шепнула я, когда мы оказались по ту сторону ворот.— Я же говорил, — отозвался Шуша, но в его голосе послышалось явное облегчение. Столица встретила нас шумом, суетой и запахами — десятками разных, смешанных в один густой коктейль. Пахло свежим хлебом, конским навозом, пряностями, жжёным сахаром, речной водой и чем-то ещё, что я не могла опознать. Улицы были вымощены булыжником, и копыта наших лошадей звонко цокали по камням. Дома здесь были выше, чем в деревнях, — по два, а то и по три этажа, с узкими окошками и черепичными крышами. Над центральной улицей висели пёстрые вывески: «Сукно и шерсть», «Зелья и настойки», «Оружейная лавка мастера Гроша», «Пирожки от тётушки Марты». — Вот! — Федька ткнул пальцем в последнюю вывеску. — Я же говорил! Пирожки! — Сначала — постоянный двор, — твёрдо сказала Агафья. — Нам нужно где-то оставить вещи и лошадей.— Я знаю одно местечко, — сказала Ингрид и, не дожидаясь ответа, свернула в переулок. Мы последовали за ней, лавируя между прохожими, бродячими собаками и лотками с какой-то невероятно пахнущей выпечкой (Федька чуть не свернул шею, оглядываясь). Постояльный двор, куда привела нас Ингрид, назывался «Золотая щука». Вывеска изображала рыбу, которая и правда была золотой, а под ней значилось: «Комнаты чистые, еда сытная, клопов нет». Последнее уточнение меня немного насторожило.— Ты уверена, что здесь прилично? — спросила я. — Прилично — нет. Зато дёшево и не задают лишних вопросов. Внутри было шумно, как в улье. За длинными столами сидели самые разные люди: купцы, наёмники, какие-то подозрительные личности в плащах, пара студентов (судя по потрёпанным книгам, которые они читали прямо за едой) и даже одна женщина в ярко-красном платье с попугаем на плече. Попугай орал что-то неразборчивое, женщина смеялась.— Колоритно, — пробормотала я.— Это ещё мягко сказано, — отозвалась Агафья, но без осуждения. Ей, кажется, тоже было интересно. Хозяин — круглый, лысый и удивительно подвижный для своих габаритов — выкатился нам навстречу и тут же принялся расхваливать свои комнаты с таким энтузиазмом, будто это были императорские покои.— Для вашей компании — лучший номер! Четыре кровати, вид на фонтан, отдельный стол в общем зале, и завтрак включён! — Сколько? — спросила я. — Всего два серебряных за ночь! — Грабёж, — тут же сказала Ингрид. — За эту дыру — серебро? Максимум пять медяков.— Пять медяков?! — хозяин схватился за сердце. — Девушка, вы меня разоряете! — Шесть.— Полтора серебра, и это моё последнее слово! — Десять медяков.— Серебро! Они торговались ещё минут пять, и в итоге сошлись на двенадцати медяках, бесплатном завтраке и обещании хозяина «присмотреть за лошадьми, как за родными». Я не знала, насколько можно верить этому обещанию, но Федька, услышав про завтрак, уже тащил наши сумки вверх по лестнице. Номер оказался на удивление приличным. Четыре кровати с пёстрыми лоскутными одеялами, деревянный стол, пара стульев и окно, из которого действительно открывался вид на маленький фонтан во дворе. Правда, фонтан не работал, а в нём сидел голубь, но всё равно — вид.— Ну что, — сказала я, плюхаясь на кровать и вытягивая ноги, — мы в столице.— Мы в столице, — повторила Агафья, усаживаясь на соседнюю кровать.— И что теперь? — спросил Федька, который уже успел разуться и теперь с блаженным видом шевелил пальцами ног.— Теперь, — Шуша прыгнул с подоконника и плавно перетёк в человеческую форму,

— завтрак. Потом я иду в город. Разведать обстановку.— Разведать обстановку? — переспросила Ингрид. — Или просто сбежать от нас на пару часов?— Одно другому не мешает, — ответил Шуша, и уголок его губ дрогнул в усмешке. — Заодно узнаю, что там с Академией. И с гильдиями. И с теми, кто ищет необученных магов. При этих словах все посерьёзнили.— Думаешь, нас уже ищут? — спросила я.— Пока не знаю. Но лучше перестраховаться. За ужином (который оказался неожиданно вкусным: тушёное мясо с овощами, свежий хлеб и тот самый обещанный пирог с визигой) мы строили планы на завтра. Ингрид собиралась навестить своего дядюшку, который, как выяснилось, держал лавку артефактов в Квартале Трёх Башен. Федька хотел осмотреть город и заодно купить подковы. Агафья — сходить на рынок. А я... Я понятия не имела, что мне делать.— Тебе — отдыхать, — сказал Шуша, заметив мои сомнения. — Завтра с утра я отведу тебя в Академию. Если повезёт, найдём наставника. Если не повезёт...— То что?— То будем думать. Ночью, когда все уснули, я долго лежала с открытыми глазами. Столица гудела за окном, даже поздним вечером: где-то играла музыка, слышались голоса прохожих, стук копыт, звон колоколов. Всё было чужим, незнакомым, пугающим — и одновременно манящим. Где-то там, за этими улицами, пряталась Академия. Моя единственная надежда научиться управлять магией. И, возможно, единственный шанс понять, как отсюда выбраться. Или — остаться. Повернувшись на бок, я увидела, что Шуша, снова ставший котом, сидит на подоконнике и смотрит на город. Его зелёные глаза мягко светились в темноте. Он не обернулся, но, кажется, почувствовал мой взгляд.— Спи, маг-недоучка, — раздался его тихий голос в моей голове. — Завтра будет тяжёлый день. А я посторожу. И я заснула. Без снов, без тревог — просто провалилась в темноту, зная, что на подоконнике сидит демон, который не даст нас в обиду. Даже если сам ещё не научился пользоваться десертной ложкой.

Глава 8. Башня Ветров, или Урок пятый: «Никогда не называй воздушника ветродуем»

Утро в «Золотой щуке» началось не с кофе, не с чая и даже не с ворчания Шуши. Оно началось с того, что Федька куда-то исчез.

Я села на кровати, потягиваясь и разминая затёкшие плечи. За окном только-только занимался рассвет, и в сером утреннем свете комната выглядела почти уютно. Почти — потому что кровать Федьки была пуста: одеяло скомкано, подушка валяется на полу, сапоги исчезли.

— Шуша, — прошептала я, — где Федька?

Демон, свернувшийся клубком на подоконнике в кошачьем обличье, даже не открыл глаз.

— Ушёл на рассвете. Сказал, что пойдёт за подковами. И за пирожками. В обратном порядке.

— Он хоть записку оставил?

— Он оставил следы грязных сапог на лестнице. Этого достаточно.

Я вздохнула и начала одеваться. Агафья уже проснулась и сидела у окна, расчёсывая свои пепельно-русые волосы. Движения её были медленными, почти медитативными, и в мягком утреннем свете она казалась совсем юной и трогательной. Ингрид ещё спала, раскинувшись звездой на своей кровати и тихонько похрапывая — сказывалась вчерашняя дуэль с Шушей и две кружки местного эля, которые она опрокинула за ужином.

— Сегодня важный день, — сказала я, застёгивая рубашу (на этот раз — правильно).

— У тебя каждый день важный, — отозвался Шуша, наконец открывая глаза. — То штаны задом наперёд, то демон в трактире, то невеста с кинжалом.

— Невеста с кинжалом — это не проблема, а преимущество, — спокойно заметила Агафья, не оборачиваясь от зеркала. — Особенно если кинжал острый.

Шуша хотел что-то возразить, но передумал и только хвостом дёрнул.

Завтракали мы в общем зале. Хозяин, как и обещал, выставил на стол кашу, свежий хлеб, кувшин с клюквенным морсом и даже по кусочку холодного пирога с визигой — видимо, вчерашний уговор насчёт бесплатного завтрака он воспринял серьёзно. Зал уже наполовину заполнился: купцы обсуждали цены на зерно, двое студентов листали потрёпанные учебники, давешняя женщина с попугаем кормила своего питомца крошками, а попугай выкрикивал что-то неразборчивое, но явно нецензурное. Федька всё ещё не вернулся, и я решила пока не беспокоиться — этот парень мог найти приключения даже на пустом рынке, но и выбраться из них умел.

Ингрид, зевая, спустилась последней и тут же потянулась к кувшину с морсом.

— Дядюшка говорил, что в Академию лучше идти с утра пораньше, — сказала она, намазывая хлеб маслом. — Декан принимает до полудня. После полудня он уходит в библиотеку и сидит там до ночи. А библиотека у них — это лабиринт. Можно зайти и не выйти.

— Принято, — кивнула я. — Значит, идём прямо сейчас. Шуша со мной, вы — по своим делам.

— Я на рынок, — сказала Агафья. — Посмотрю, что тут продают. И ещё... — она замялась, — мне нужно найти лекаря. Хорошего. Такого, который разбирается в старой магии.

Мы все уставились на неё.

— Зачем тебе лекарь? — спросила я.

— Не мне. Моховику. Помните, у него глаза слезились? Я думаю, это от тумана. А туман в овраге был магический.

За столом повисла пауза. Шуша перестал принохиваться к каше и уставился на Агафью с таким выражением, будто только что увидел её впервые. Ингрид хмыкнула в кружку. А я

вдруг поняла, что Агафья — это, возможно, самый добрый человек из всех, кого я знала. И в прошлой жизни, и в этой.

— Ты хочешь вернуться в Холодный овраг, чтобы помочь монстру, который нас чуть не съел? — уточнила Ингрид.

— Он не собирался нас есть, — спокойно ответила Агафья. — Ему просто было одиноко. И у него болели глаза.

— Агафья, — тихо сказал Шуша, — ты святая. Или безумная. Я ещё не решил.

— Я просто хочу помочь, — пожала плечами она.

После завтрака мы разошлись. Ингрид отправилась к дядюшке в Квартал Трёх Башен, Агафья — на рынок с твёрдым намерением найти лекаря, который разбирается в болезнях древних болотных тварей, а мы с Шушей двинулись в Академию.

Утренний город встретил нас суетой и шумом. Солнце уже поднялось над крышами, и улицы наполнились народом. Торговцы раскладывали товар, подмастерья спешили с поручениями, уличные музыканты настраивали инструменты, а где-то вдалеке звонил колокол — размеренно, неторопливо, будто напоминая всем, что день только начинается. Пахло свежим хлебом, конским навозом, пряностями, речной водой и ещё десятком незнакомых мне запахов, которые смешивались в один густой коктейль под названием «столица».

— Как думаешь, этот магистр Авериус вообще согласится меня учить? — спросила я, пока мы шли по мостовой. Шуша в человеческом обличье шагал рядом, и прохожие невольно обходили его стороной — было в нём что-то такое, что заставляло людей уступать дорогу.

— Трудно сказать, — отозвался он. — Воздушники вообще непредсказуемы. Сегодня он может решить, что ты — его лучший ученик, а завтра — что ты недостойн даже стоять на пороге его башни. У них настроение меняется, как направление ветра.

— Звучит... обнадеживающе.

— Зато если он согласится, ты получишь одного из лучших наставников в этой стране. Авериус — гений. Или безумец. Или и то, и другое.

— Ты уже говорил.

— Потому что это важно. Гении и безумцы видят то, чего не видят другие. А тебе нужен именно такой наставник. Потому что твой дар, Вика... — он задумался на секунду, — он странный. Ты не просто маг. Ты — попаданка в чужом теле. Твоя магия пришла не из этого мира, а из тебя самой. Это большая редкость. И большая опасность.

— Для меня или для окружающих?

— Для всех, — коротко ответил он.

Мы замолчали. Я думала о его словах, пока мы пробирались по запруженным улицам. Академия находилась в Квартале Четырёх Башен — том самом, который раньше назывался Кварталом Трёх Башен, пока один упрямый воздушник не построил четвёртую. Мы шли туда минут сорок, если не больше, и за это время я успела трижды спросить дорогу, один раз чуть не попасть под телегу (засмотрелась на уличного жонглёра, который подбрасывал в воздух светящиеся шары) и окончательно убедиться, что столица — это место, где можно потеряться даже с картой.

Академия, когда мы наконец добрались, оказалась именно такой, какой я её себе представляла. Огромное здание из серого камня с высокими стрельчатыми окнами, массивными дубовыми дверями и четырьмя башнями по углам, одна из которых действительно была выше остальных и чуть наклонена — видимо, та самая, воздушная. Над входом висел герб: дракон, держащий в лапах книгу и меч, и надпись золотыми буквами: «Императорская Академия Магических Искусств и Прикладного Чародейства».

— Пафосно, — прокомментировала я.

— Подожди, увидишь декана, — хмыкнул Шуша.

Внутри пахло старой бумагой, воском и чем-то, что я уже научилась узнавать — озоном. Магия здесь витала в воздухе в буквальном смысле, и кончики моих пальцев слегка покалывало. Холл был просторным, с высоким сводчатым потолком и мраморным полом, на котором тут и там виднелись подпалыны. Студенты — кто в мантиях, кто в обычной одежде — сновали туда-сюда с кипами книг и свитков. Прямо у входа, за дубовым столом, восседала сухопарая женщина в очках. Перед ней лежала толстая книга в кожаном переплёте, в которую она что-то старательно записывала и даже не подняла головы при нашем приближении.

— Доброе утро, — сказала я самым вежливым басом.

— Утро доброе, если вы по делу, — ответила женщина, не отрываясь от книги. — Если нет — до свидания.

— Мы по делу. Мне нужен декан.

Перо замерло. Женщина подняла глаза, смерила меня взглядом поверх очков и, кажется, осталась недовольна увиденным.

— Имя?

— Дмитрий Волконский.

Она полистала книгу, нашла нужную запись и вдруг нахмурилась.

— Волконские не рождали магов уже двести лет. Вы уверены, что у вас есть дар?

— Уверена, — ответила я и, вспомнив уроки Шуши, добавила: — Могу продемонстрировать.

— Не здесь! — женщина вскинула руку. — Демонстрации — в испытательном зале. Второй этаж, комната двенадцать. Но предупреждаю: если вы меня разыгрываете, пеняйте на себя. Декан не любит шутников.

— А декан — это кто? — шёпотом спросила я у Шуши, пока мы поднимались по лестнице.

— Магистр Теодор Грозный, — так же шёпотом ответил демон. — Специалист по боевой магии. Говорят, он однажды превратил нерадивого студента в статую. На неделю.

— В статую?!

— Говорят, студенту понравилось. Он потом ещё просился.

Я не знала, шутит Шуша или нет, и это пугало больше всего.

Мы поднимались по широкой мраморной лестнице, стёртой сотнями ног. Стены были увешаны портретами прежних магистров, картами звёздного неба и какими-то схемами, которых я не понимала. Студенты, попадавшие нам навстречу, провожали нас взглядами — особенно Шушу, который шагал с таким видом, будто это он здесь главный экзаменатор.

— Ты не мог бы выглядеть чуть менее... демонически? — прошептала я.

— Мог бы, — так же шёпотом ответил он. — Но зачем?

Комната двенадцать оказалась круглым залом с каменными стенами, на которых тут и там виднелись всё те же подпалыны. Посередине стоял магистр Теодор Грозный — высокий, седой, с суровым лицом и бородой, которая могла бы соперничать с бородой батюшки, но явно выигрывала по ухоженности. На нём была тёмно-синяя мантия с серебряными звёздами, а в руке — длинный посох с навершием в виде драконьей головы.

— Княжич Волконский, — произнёс он, и его голос прокатился по залу как гром. — Явился.

— Явился, — подтвердила я, стараясь не дрожать.

— И с фамильяром. — Декан перевёл взгляд на Шушу. — Демон. Интересно. Давно не видел демонов в этих стенах.

— Я польщён, — сухо ответил Шуша.

— Не стоит. Я помню, чем закончился прошлый визит демона в Академию. Три сожжённые аудитории и один фонтан, который до сих пор иногда плюётся кипятком.

— Это был не я.

— Знаю. Но всё равно не стоит. — Декан снова повернулся ко мне. — Итак, княжич, показывайте, на что способны.

Я выдохнула. Вспомнила уроки Шуши. Вспомнила ручей, камень, искры из пальцев. Сосредоточилась. Протянула руку и представила, как воздух передо мной сгущается в светящийся шар.

Из пальцев вырвался сноп золотых искр, закружился, собрался в комок — и через секунду над моей ладонью парил маленький, но очень яркий огненный шар. Он гудел, потрескивал и освещал весь зал тёплым золотистым светом.

Декан прищурился.

— Неплохо, — сказал он. — Для новичка. Но контроль хромает.

— Я знаю. Поэтому мне нужен наставник.

— Наставник, — повторил декан и вдруг улыбнулся. Улыбка у него оказалась неожиданно доброй, почти отеческой. — Что ж, княжич. У меня есть для вас кое-кто на примете. Но предупреждаю: этот наставник — не из простых. Он эксцентричен. Своенравен. И терпеть не может бездарей.

— Я не бездарь! — возмутилась я.

— Вот и проверим. — Декан хлопнул посохом об пол, и в воздухе перед нами возник свёрнутый пергамент, перевязанный синей лентой. — Это направление. Ваш наставник живёт на окраине города, в Башне Ветров. Его зовут магистр Авериус. И да, он — воздушник. Так что готовьтесь к тому, что вас будет много... сдувать.

Я взяла пергамент дрожащей рукой. Внизу, под печатью Академии, мелким убористым почерком было приписано: «P.S. Если магистр Авериус попытается выкинуть вас в окно — не пугайтесь. Это его стандартный метод проверки учеников. Просто возвращайтесь через дверь. Если сможете».

— Обнадёживает, — пробормотала я.

— Воздушники, — пожал плечами декан. — Что с них взять.

Мы вышли из Академии, когда солнце уже стояло высоко. Утро пролетело незаметно — пока добрались, пока ждали в коридоре (секретарша забыла предупредить декана, и нам пришлось сидеть на деревянной скамье почти полчаса), пока прошли испытание... Я сжимала в руке пергамент и чувствовала, как внутри бурлит смесь восторга и ужаса.

— Ну что, — сказал Шуша, потягиваясь на ходу, — теперь у тебя есть направление к наставнику.

— К эксцентричному воздушнику, который живёт в Башне Ветров и, возможно, выкинет меня в окно, — уточнила я. — Звучит как начало анекдота.

— Или как начало очень большой головной боли. Но, по крайней мере, скучно не будет. Пойдём. До окраины путь неблизкий.

И мы пошли.

Дорога к Башне Ветров заняла добрых полтора часа. Сначала мы пробирались через шумные центральные улицы, потом через тихие жилые кварталы с палисадниками и деревянными домами, потом через какие-то пустыри, заросшие колючей травой. Город постепенно редел, и в какой-то момент я поймала себя на мысли, что мы, кажется, вышли за его пределы — на холмистую местность, где ветер дул уже совсем не по-городскому: сильно, порывисто, трепля волосы и заставляя жмуриться.

— Далеко ещё? — спросила я, пытаюсь пригладить растрёпанные волосы.

— Где-то здесь, — отозвался Шуша, который снова принял кошачье обличье и теперь трусил рядом, ловко перепрыгивая через колдобины. — Я чувую воздушную магию. Она совсем близко.

Башня Ветров показалась из-за холма внезапно. Она стояла на самой вершине, одинокая и какая-то... упрямая. Высокое узкое строение из серого камня, которое, казалось, вот-вот

рухнет, но каким-то чудом держалось. Вокруг не было ни забора, ни сада — только выжженная ветром трава и пара кривых деревьев, пригнувшихся к земле, будто они пытались спрятаться от бесконечных сквозняков.

— Уютненько, — прокомментировала я, оглядывая этот пейзаж. — Прямо как в Холодном овраге. Только без моховика.

— Зато с ветром, — отозвался Шуша, принюхиваясь. — И, судя по запаху, с пылью. Много пыли.

Дверь в башню была массивной, дубовой, с вырезанным на ней символом воздуха — спиралью, закрученной вокруг пера. Я постучала. Тишина. Постучала ещё раз. Снова тишина. Тогда я, набравшись смелости, толкнула дверь, и та с протяжным скрипом отворилась.

Внутри Башня Ветров оказалась... захламлённой. Мягко говоря. Повсюду — на столах, на стульях, на подоконниках, даже на ступеньках лестницы — лежали книги, свитки, карты, какие-то странные приборы, стеклянные шары с искрящимся содержимым и просто груды бумаг. Воздух пах пылью, старым пергаментом и чем-то металлическим. С потолка свисали мобили из перьев и кристаллов, которые тихонько звенели от каждого сквозняка.

— Ого, — прошептала я.

— Ого — это не то слово, — раздался сверху голос. — Скорее, «варварское вторжение в мою личную библиотеку, но я пока терплю».

Я подняла голову. На верхней площадке лестницы, прямо под потолком, стоял мужчина. Высокий, тощий как жердь, с седыми волосами, которые торчали во все стороны, будто он только что сунул палец в магический шар. Одет он был в синий халат, расшитый золотыми звёздами, и домашние тапочки с помпонами. В одной руке он держал чашку с дымящимся чаем, в другой — толстую книгу, которую, кажется, читал вверх ногами.

— Магистр Авериус? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал уважительно.

— Он самый. — Мужчина спустился на пару ступенек и прищурился. — А вы, стало быть, Волконский. Тот самый, который не маг, но магия есть. И фамильяр — демон. Интересно.

— А вы тот самый, который воздушник, гений и безумец? — вырвалось у меня.

Авериус замер. Потом медленно перевёл взгляд с меня на Шушу, потом снова на меня. И вдруг расхохотался — громко, заливисто, так что мобили на потолке зазвенели сильнее.

— А ты мне нравишься, Волконский! — воскликнул он, спускаясь. — Обычно меня называют «ветродуем» или «сумасшедшим стариком», а тут — «гений и безумец». Почти комплимент.

— Я стараюсь, — пробормотала я.

Авериус остановился передо мной. Он был ниже Шуши, но выше меня, и смотрел на меня сверху вниз с выражением, в котором смешивались любопытство и какая-то мальчишеская радость.

— Итак, — сказал он, — декан направил тебя ко мне. Значит, он думает, что ты не безнадёжен. Или наоборот — настолько безнадёжен, что только я смогу с тобой справиться. В любом случае, это интересно. Но у меня есть одно правило.

— Какое?

— Я не учу тех, кто не может войти в мою башню.

— Но я уже вошла, — заметила я, указывая на дверь.

— Вошла — да. Но войти мало. Нужно... — он сделал паузу, явно наслаждаясь моментом, — выйти.

Я непонимающе уставилась на него.

— Выйти?

— Именно. Ты вошла через дверь. А теперь попробуй выйти.

Я развернулась и толкнула дверь. Она не открылась. Потянула на себя — то же самое.

— Дверь заперта? — предположила я.

— Нет. Дверь открыта. Просто она тебя не выпускает.

— Потому что ты ещё не доказал, что достоин быть моим учеником. Дверь — это первое испытание. Откроешь её с помощью магии — я тебя приму.

Я беспомощно оглянулась на Шушу. Тот сидел на подоконнике, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на меня с выражением глубочайшего терпения.

— Он серьёзно? — шёпотом спросила я.

— Воздушники всегда серьёзны, когда дело касается дверей, — так же шёпотом ответил Шуша. — У них это пунктик. Попробуй что-нибудь.

Я выдохнула и приложила ладонь к двери. Попыталась представить, как засов отодвигается, как замок щёлкает. Из пальцев посыпались золотые искры, дверь задрожала, но не открылась.

— Неплохо, — заметил Авериус, прихлёбывая чай. — Но ты пытаешься приказать двери. А дверь — она как ветер. Ей нельзя приказать. С ней нужно договариваться.

— Договариваться? С дверью? — переспросила я.

— Конечно. Дверь — это не просто кусок дерева. Это порог. Граница. Она чувствует твоё намерение. Если ты хочешь выйти, она должна захотеть тебя выпустить. А для этого ты должна понять, чего она хочет.

Я прикрыла глаза. Договориться с дверью. Не приказать, не взломать, не поджечь. Просто спросить.

«Чего ты хочешь?» — спросила я мысленно, прижимая ладонь к дереву.

Ответ пришёл не словами, а смутным, едва уловимым образом: дом. Тёплая, уютная комната, куда возвращаются после долгого пути.

— Она хочет, чтобы я вернулась, — прошептала я. — Не просто вышла, а обещала вернуться.

— Именно, — кивнул Авериус.

Я погладила деревянную поверхность и тихо произнесла:

— Я вернусь. Обещаю. Но сейчас мне нужно выйти. Меня ждут. И я не могу остаться, даже если здесь... тепло и хорошо.

Дверь распахнулась, впуская ветер. Он пах дождём и чем-то ещё — странным, неуловимым, как запах старых книг из библиотеки, которой у меня никогда не было. Я шагнула через порог, и на мгновение мне показалось, что кто-то шагнул вместе со мной. Обернулась — никого. Ветер. Просто ветер.

— Bravo! — Авериус захолопал в ладоши. — Bravo, Волконский! Ты прошёл первое испытание. И сделал это с изяществом. Дверь тебя приняла.

Я стояла, тяжело дыша, и смотрела на приоткрытую дверь. Всё было так просто — и одновременно так сложно. Не приказать, а попросить. Не сломать, а понять. Вот, значит, какова магия Воздуха.

— Ну что ж, — Авериус отставил чашку и энергично потёр руки. — Теперь, когда формальности позади, приступим к настоящему обучению. У нас мало времени. Твой дар, Волконский, нестабилен. Он может вырваться из-под контроля в любой момент. Я это вижу. Поэтому...

Он вдруг указал на потолок, и я проследила за его жестом. Там, под самым куполом, висел гамак, сплетённый из веревок. А рядом с гамаком — ещё одна дверь. Прямо в воздухе. Без стены, без опоры — просто дверь, парящая в пространстве.

— Твоё первое задание, — объявил магистр Авериус, — достать книгу, которая лежит в гамаке. И вернуться обратно. Не используя лестницу.

Я посмотрела на гамак. Потом на Шушу. Тот сидел на подоконнике и, кажется, предвкушал зрелище.

— Даже не проси, — мурлыкнул он.

— Я и не собиралась, — буркнула я и вытянула руку вверх, как делала это у ручья, когда поднимала камень.

Ничего. Вообще. Воздух даже не шелохнулся.

— Хм, — прокомментировал Авериус и отхлебнул чай.

Я попробовала снова. На этот раз представила ветер, который подхватывает меня, как пушинку. Ветер появился — лёгкий, едва ощутимый, — но меня он не подхватил. Только волосы растрепал.

— Может, попросить? — пробормотала я, вспоминая дверь.

Я обратилась к воздуху. Тихо, про себя. Попросила поднять меня. Воздух в ответ закружился чуть сильнее, и меня качнуло вперёд. Я потеряла равновесие, взмахнула руками и рухнула на колени.

— Неплохо, — заметил Авериус. — Для молитвы. Но ты не в храме, Волконский. Ты в башне мага. Воздух не слушает просьб. Он слушает намерения.

— Я намереваюсь взять книгу!

— Нет. Ты намереваешься попробовать взять книгу. Чувствуешь разницу?

Я зарычала от досады. Вскочила. Сжала кулаки. Представила гамак, книгу, представила, как хватаю её, как она оказывается у меня в руках...

Меня подбросило вверх. Резко, рывком, как из катапульты. Я пролетела метра три, отчаянно молотя руками, и на полном ходу врезалась в стеллаж с книгами. Свитки посыпались дождём, какой-то фолиант пребольно стукнул меня по макушке. Я съехала вниз, на пол, и осталась сидеть, потирая ушибленное место.

— Уже теплее! — жизнерадостно сообщил Авериус. — Ты почти долетела.

— До чего?! До стеллажа?!

— До осознания. Продолжай.

Я попробовала ещё раз. Теперь меня подбросило не так резко, но метра на полтора, и я провисела в воздухе секунд пять, прежде чем снова рухнуть вниз. На этот раз я хотя бы приземлилась на ноги.

— Лучше, — кивнул магистр. — Ты перестала приказывать. Начала позволять. Но позволять — мало. Нужно стать частью воздуха. А ты всё ещё думаешь о себе как о теле, которое нужно поднять. Перестань думать о теле. Думай о книге.

— Да что ж такое! — вырвалось у меня.

Шуша на подоконнике тихо рассмеялся. Я метнула в него испепеляющий взгляд, но он даже не пошевелился. Только хвост чуть дёрнулся.

— Ты злишься, — заметил демон. — Это хорошо. Злость — тоже топливо. Только не пережги.

Я глубоко вдохнула. Выдохнула. Закрыла глаза. Перестала думать о том, как я выгляжу, как я лечу, как я падаю, что скажет Авериус, что скажет Шуша, что сказал бы батюшка, если бы увидел. Осталась только книга. Старый кожаный переплёт. Потрёпанные страницы. Я хочу взять её. Не долететь, не подняться, не преодолеть. Просто взять.

Ветер закружился вокруг меня — тихий, ласковый, почти незаметный. Я не почувствовала, как отрываюсь от пола. Не почувствовала, как лечу. Просто в какой-то момент поняла, что гамак уже рядом, а моя рука сжимает книгу.

— Получилось, — прошептала я, открывая глаза.

Подо мной, далеко внизу, стояли Аveriус и Шуша. Один — с чашкой чая, другой — с выражением «ну наконец-то, я уж думал, ты там поселишься».

— Получилось, — подтвердил магистр. — А теперь спускайся. Только осторожно. Падать с семи метров — это тоже часть обучения, но я бы предпочёл, чтобы ты прошла её позже.

Спускалась я долго. Медленно, неуверенно, то и дело теряя концентрацию и проваливаясь на полметра вниз, прежде чем снова поймать равновесие. Когда ноги наконец коснулись пола, я пошатнулась, но устояла.

— Вот. — Я протянула книгу Авериусу.

Магистр взял её, даже не взглянув, и отложил на стол.

— Это был справочник по вентиляции, — сообщил он. — Мне он не нужен. Но ты прошла испытание. И прошла его хорошо. — Он помолчал и вдруг улыбнулся — широко, открыто, совсем не так, как раньше. — Добро пожаловать в ученики, Дмитрий Волконский. Или как там тебя на самом деле зовут.

Я замерла. Шуша за моей спиной тоже, кажется, перестал дышать.

— Вы знаете? — спросила я тихо.

— Я воздушник, — напомнил Авериус. — Я чувствую сквозняки и слышу шёпот. А твоя душа, Волконский, шепчет так громко, что даже глухой бы услышал. Не бойся. Мне всё равно, кто ты на самом деле — мужчина, женщина, демон или ходячее недоразумение. Главное — у тебя есть дар. И я помогу тебе его раскрыть.

Я стояла посреди пыльной башни, прижимая к груди справочник по вентиляции, и чувствовала, как внутри что-то разжимается. Какой-то узел, который был затянут с того самого утра, когда я проснулась в чужом теле.

— Спасибо, — сказала я.

— Пока не за что, — отмахнулся Авериус. — Поблагодаришь меня, когда научишься не сшибать стеллажи. А теперь — вон из моей башни. У меня чай остыл, а ты устроила сквозняк. Завтра жду в то же время. Опаздывать не советую — дверь может передумать и не впустить.

Мы вышли наружу, когда солнце уже начало клониться к закату. День пролетел совершенно незаметно: утром мы были в Академии, потом добирались до башни, потом битый час я воевала с дверью (трижды она захлопывалась перед самым моим носом, прежде чем я поняла, что ей нужна не команда, а просьба), а потом — бесконечные попытки достать эту дурацкую книгу. И вот теперь небо на западе окрасилось в розовый и золотой, а ветер, всё такой же сильный, уже не казался враждебным — скорее, игривым.

— Ну что, маг-недоучка, — сказал Шуша, шагая рядом в человеческом облике, — кажется, у тебя появился наставник.

— Кажется, да. — Я потёрла ушибленный локоть. — И несколько синяков в придачу.

— Синяки — это часть обучения. По крайней мере, так говорил мой первый наставник. Правда, он был демоном-огневиком, и синяки у его учеников случались чаще, чем хотелось бы.

— И что с ним стало?

— Сгорел на работе, — коротко ответил Шуша, и я решила не уточнять.

Мы шли через вечерний город. Улицы постепенно наполнялись тёплым светом фонарей, из трактиров доносились музыка и смех, где-то лаяла собака, а с реки тянуло прохладой и запахом воды. Я молчала, переваривая всё, что случилось за этот бесконечно длинный день. Авериус. Башня. Дверь. Книга. И слова воздушника о том, что ему всё равно, кто я на самом деле. Кажется, именно этого мне и не хватало с самого начала. Не магии. Даже не наставника. А кого-то, кто принял бы меня целиком — с чужой ширинкой, искрами из пальцев и душой, которая «шепчет так громко».

— О чём думаешь? — спросил Шуша.

— О том, что завтра снова туда идти. И что дверь может передумать.

— Может. Но ты с ней уже договорилась. А договоры двери не нарушают. Это тебе не люди.

Я улыбнулась и, в последний раз оглянувшись на Башню Ветров, прибавила шаг. Впереди ждала «Золотая щука», ужин, новости от Федьки и Ингрид и, надеюсь, тихий вечер без приключений. Хотя о чём это я? С нами приключения всегда находят нас сами.

И, положив руку на сердце, я была совсем не против.

Вечерняя «Золотая щука» встретила нас гулом голосов и запахом жареного лука. Народу в общем зале прибавилось — видимо, постояльцы возвращались после дневных дел, рассаживались за столами, заказывали ужин и делились новостями. Где-то в углу те же студенты, что утром листали учебники, теперь спорили о чём-то до хрипоты, а давешняя женщина с попугаем кормила своего питомца кусочком пирога, и попугай, судя по довольному причмокиванию, был совершенно счастлив. Я потянула носом. К жареному луку прибавился аромат печёного мяса, и желудок немедленно напомнил, что я не ела с самого завтрака. — Живо, — скомандовала я Шуше. — Сначала ужин, потом всё остальное. — Впервые за день слышу от тебя разумное предложение, — отозвался он, оглядывая зал с таким видом, будто это он здесь хозяин. — Вон тот стол. Свободен. Идём. Мы направились к столу у окна, но не успели сделать и трёх шагов, как путь нам преградила Ингрид. Она появилась будто из ниоткуда — раскрасневшаяся, взлохмаченная, с арбалетом на плече и с таким выражением лица, будто только что выиграла битву. А может, и правда выиграла. — Ну наконец-то! — воскликнула она, хватая меня за локоть и усаживая за стол. — Где вас носило целый день? Я уже думала, вас сдуло вместе с этой дурацкой башней! — Почти угадала, — пробормотала я, падая на стул. — Нас действительно пытались сдуть. Но мы устояли. — Подробности — позже, — перебил Шуша, усаживаясь рядом и пододвигая к себе кружку. — Сначала расскажи, что у тебя. И где Агафья? И Федька вернулся? Ингрид открыла было рот, но ответить не успела: как раз в этот момент дверь «Золотой щуки» распахнулась, и на пороге возник Федька. Собственной персоной. Живой, невредимый и с огромным свёртком в руках, из которого торчали какие-то прутья, перья и, кажется, кусок жести. — Я всё! — объявил он на весь зал, чем заслужил несколько удивлённых взглядов. — И подковы, и пирожки, и кое-что ещё! — Кое-что ещё? — переспросила я, разглядывая его свёрток. — Это что, артефакт? — Это лучше, чем артефакт! — Федька плюхнулся на свободный стул и развернул свёрток. На столе оказались: четыре подковы (явно бывшие в употреблении, но всё ещё крепкие), пяток пирожков с капустой, завернутых в тряпицу, кусок копчёного сыра, маленький глиняный горшочек с мёдом и — я прищурилась — какой-то странный металлический предмет, похожий на сломанный будильник. — Что это? — спросила я, указывая на последнее. — Не знаю! — радостно ответил Федька. — Но старьёвщик сказал, что это магическая штукавина. Я подумал: вдруг пригодится? Шуша осторожно взял «магическую штукавину» двумя пальцами, поднёс к глазам, принялся и вернул обратно. — Это сломанный барометр, — сообщил он. — Магии в нём примерно столько же, сколько в этом пирожке. То есть ноль. — Значит, не пригодится, — ничуть не расстроился Федька. — Зато пирожки вкусные. И подковы хорошие. Я, между прочим, за них чуть не подрался. — С кем? — спросила Ингрид. — С кузнецом. Он сказал, что я торгуюсь, как старая бабка на базаре. — А ты? — А я сказал, что старая бабка на базаре сторговала бы эти подковы за половину цены. Он обиделся. Но цену сбавил. Мы все дружно рассмеялись, и на душе сразу потеплело. Я отломил кусок пирога и принялась жевать, чувствуя, как усталость дня постепенно отступает. — А где Агафья? — спросила я, прожевав пирожок. — Она ещё не вернулась? Ингрид посерьёзнала. — Вернулась. И не одна. — В смысле — не одна? — Она нашла лекаря. Того самого, что разбирается в старой магии. Он сейчас наверху, в нашей комнате. Агафья сказала, что он согласился помочь моховику. Но он очень устал с дороги, так что знакомство отложили до завтра. — Лекарь? — Шуша поднял бровь. — И что, он действительно разбирается в древних тварях? — Говорит, что да. Я с ним парой слов перекинулась. У него глаза разноцветные, представляете? Один зелёный, другой серебряный. И взгляд такой... ну, будто он знает больше, чем говорит. — Разноцветные глаза, — задумчиво повторил Шуша. — Это редкость. Возможно, он не просто лекарь. — Это мы завтра выясним, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — А сейчас я хочу есть, а потом — спать. День был длинным, как вечность, и я, кажется, до сих пор чувствую спиной тот стеллаж. — Ты врезалась в стеллаж? — оживился Федька, и глаза его загорелись. —

Рассказывай!— Только после ужина, — отрезала я. — И только если мне дадут нормальную кружку чая. Без сбитня. Мы заказали ужин, и вечер покотился своим чередом — уютно, тепло, с шутками Феды, ворчанием Шуши и рассказами Ингрид о том, как дядюшка пытался продать ей «совершенно бесполезный, но очень красивый амулет». Агафья спустилась чуть позже, усталая, но довольная, и подтвердила: лекарь настоящий, моховику помогут, а подробности — завтра. Когда я наконец добралась до кровати, голова гудела от впечатлений. Авериус, дверь, книга, полёт, Ратмир... То есть лекарь, имени которого я пока даже не знала. Завтра предстояло знакомство. А пока — спать. И впервые за долгое время сон пришёл быстро и был на удивление спокойным. Видимо, договор с дверью работал в обе стороны.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.